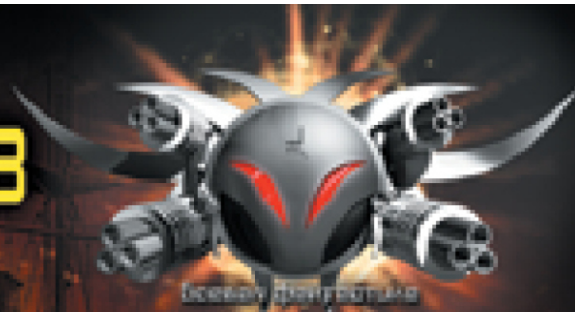

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

СТАЛЬНАЯ
ХВАТКА
ИМПЕРИИ

Боевая фантастика (АСТ)

Сергей Васильев

**Император из стали.
Стальная хватка империи**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Васильев С. А.

Император из стали. Стальная хватка империи / С. А. Васильев —
«Издательство АСТ», 2023 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-157083-5

Протоиерей Андрей Ткачев сказал в своей проповеди: «Для того чтобы сохранить Российскую империю, государю Николаю Александровичу пришлось бы стать Сталиным...» Заставить Японию воевать, когда она еще не успела мобилизоваться. Заставить Британию ввязаться в схватку, когда она менее всего к этому готова. Сделать консерваторов революционерами. Натравить царские спецслужбы на Уолл-стрит и лондонский Сити. И все это ради строительства светлого будущего, где библейское «каждому воздастся по делам его» объединяется с материалистическим «от каждого по способностям, каждому по труду». Успеть бы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-157083-5

© Васильев С. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	68
-----------------------------------	----

Сергей Васильев

Император из стали.

Стальная хватка империи

Серия «Боевая фантастика»

Ленинград
издательский дом

© Сергей Васильев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

15 марта 1902 года. Стамбул

Казематный броненосец «Александра» вполне мог бы стать музейным кораблем. Это был первый корабль флота Ее Величества королевы Виктории с машинами двойного расширения и цилиндрическими котлами. Уже на излете карьеры, в 1899 году «Александра» стала первым кораблем Королевского флота, оснащенным радиостанцией. К тому же этот корабль стал настоящим символом британско-турецкого содружества: в 1878-м он, наряду с прочими кораблями Королевского флота, вошел в Мраморное море, дабы не допустить захват русскими варварами цивилизованной турецкой столицы, а несколькими годами позже принес возмездие варварам Александрии, вознамерившимся бросить вызов европейской цивилизации. Британское влияние в Египте, славном уже не столько своими пирамидами, сколько проходящим по его территории Суэцким каналом, после визита Grand Fleet стало неоспоримым и определяющим.

Корабль был красив. Он изначально создавался в качестве флагманского, поэтому роскошь и комфорт адмиральских помещений гармонично сочетались в нем с убийственной для

своего времени огневой мощью и могучей броней. Но если броня и пушки стареют, то стиль и респектабельное величие вечны. По количеству посвященных ему полотен флагман уступал только «Катти Сарк» и «Фермопилам».

Вот и сейчас на пристани Бешикташ, что на европейском берегу Стамбула, на покрытом коврами причале собралась весьма солидная толпа фотографов. Некоторые из них уже успели потратить несколько драгоценных пластинок на то, чтобы запечатлеть изящный корабль с гордо реющим штандартом наследника британского престола и вымпелом первого морского лорда на мачте.

Сам наследник и лорд стояли на борту рядом с площадкой парадного трапа. Их лица были по-английски маловыразительны, и только пальцы первого морского лорда, касающиеся лееров так нежно, как касаются руки любимой когда-то женщины, выдавали хоть какие-то чувства.

– Нам пора, ваше высочество, – не дрогнув ни мускулом промолвил адмирал.

– Да, – еле заметно кивнул принц Уэльский, служивший в свое время на «Александре», – пора.

Он развернулся, отдал честь командиру корабля и офицерам, оглядел рвущиеся в небо мачты, скользнул взглядом по когда-то грозным орудиям, по сплюснутым с боков высоким трубам и сделал первый шаг по трапу. Первый морской лорд последовал за ним.

Принадлежащие им штандарт и вымпел вздрогнули и поползли вниз, синхронно с уверенными шагами двух заслуженных моряков, но полностью спуститься не успели. Когда им оставалась всего половина пути, раздался глухой удар, вода у противоположного борта поднялась пенным фонтаном. Старый, но изящный броненосец вздрогнул и начал медленно, понемногу почти неощутимо крениться и оседать в воду под многочисленными объективами корреспондентов ведущих мировых газет, собравшихся, надо сказать, очень удачно.

Историческая справка

Среди знаменитых провокаций, послуживших поводом к войне, «почетное» место занимает гибель американского крейсера «Мэн» в бухте Гаваны в 1898 году. Загадочный взрыв, унесший жизни 266 человек, послужил для США отличным предлогом для начала испано-американской войны.

За день до взрыва броненосца «Александра». Париж. Отель «Ритц»

Великий князь Алексей Александрович грузно опустился в кресло и самым кончиком пальца брезгливо отпихнул пачку бумаг, рассыпавшихся веером по журнальному столику

– Извольте изложить кратко и внятно: для какой цели вы это мне принесли, и вообще, что надобно лейб-жандармерии Российской империи от отставного моряка?

Поручик Щетинин усмехнулся, нагнулся и собрал рассыпавшиеся документы в аккуратную стопку

– Перед вами результат кропотливой работы по выявлению, сбору и систематизации свидетельств злоупотреблений, творившихся в морском ведомстве России под вашим руководством. Желтым цветом выделены суммы, которые тем или иным способом перекачивали в ваши карманы, а также к вашим друзьям и дамам, коим вы оказывали знаки внимания.

– И что, вы приехали в Париж меня арестовать?

– Нет, я приехал сообщить, что можно вообще обойтись без унижительных процедур, а весь этот материал вы сможете лично сжечь в камине.

– И что взамен?

– Только одно официальное заявление.

– Господи, что еще требуется от меня его императорскому величеству?

Князь Щетинин усмехнулся, выпрямился, одернул мундир.

– Ваше высочество, Россия – это не только царь. В нашем Отечестве достаточно патриотов, чтобы...

– Что от меня хочет «не только царь»? – нехорошо ослабившись, нетерпеливо перебил собеседника великий князь.

Щетинин недовольно поморщился от высокомерного тона генерал-адмирала и даже скрипнул зубами от раздражения. Его слова были восприняты неожиданно холодно и пренебрежительно. Отступить, однако, было поздно.

– Ваше высочество, я уполномочен передать вам предложение, которое позволит восстановить ваше положение в обществе как государственного деятеля и даже поправит финансовые дела. При этом ваша репутация останется кристально чистой: авуарами никто никогда не будет интересоваться, все компрометирующие бумаги будут немедленно уничтожены. От вас требуется сущая мелочь – официальное заявление, что ваша отставка связана с отказом выполнять распоряжение государя об организации терактов на кораблях Британского военно-морского флота.

– Та-а-ак... – Алексей Александрович неожиданно легко для своего веса поднялся из кресла и вплотную подошел к поручику, дыша так, как пытит паровоз на полустанке. – И кто же, позвольте спросить, уполномочил вас сделать такое предложение?

– Ваше высочество, – Щетинин спокойно выдержал прямой взгляд великого князя, – вы же должны понимать, что такие предложения не могут быть частной инициативой. Но если вам угодно, я работаю по поручению Фалька.

– Ах вот оно что, – фыркнул великий князь. – «Священная дружина» решила охранить Россию от русского царя? Ну что ж, Саша как в воду глядел, понимал, чем закончатся все эти игрища в тайные общества... Распускал, распускал, да недораспустил... А вы-то, молодой человек, как там оказались? Если не ошибаюсь, вы – тот самый герой, предотвративший год назад покушение на Боголепова, убивший одним выстрелом наповал фальшивого гвардейского офицера? Вас тогда отметили более чем достойно – орден, внеочередное звание... Что же изменилось за этот год?

– За этот год – ровным счетом ничего. – Губы поручика тронула чуть заметная усмешка. – Я пришел в лейб-жандармерию по заданию Фалька. А спасение Боголепова – это досадная случайность. Важнее было, чтобы не попал в охранку и не заговорил террорист Карпович...

– Даже так? – Великий князь вздернул бровь, покачал головой и пробормотал, разговаривая больше с собой, чем обращаясь к собеседнику: – Тогда... С такой личной охраной у Никки нет никаких шансов...

Алексей Александрович отрешенно сделал несколько шагов по просторному номеру и остановился у бара, как будто пытаясь что-то вспомнить или принимая какое-то решение.

– Поручик, не желаете выпить? Нет? А я, пожалуй, позволю себе... Так, что тут у нас есть?.. – Генерал-адмирал звякнул бокалами. – Ваше предложение, князь, безусловно, интересно, и в другое время при других обстоятельствах я бы его даже принял, но вот именно сейчас... Позволять себе вольности с казенными деньгами и быть подлецом и предателем своего собственного племянника и государства в целом – это не одно и то же... Поэтому я, пожалуй, вынужден буду отклонить ваше предложение... А чтобы вы более не разносили эту заразу по приличным домам...

Великий князь по-охотничьи резко развернулся. Неизвестно откуда оказавшийся в его руке револьвер дважды рывкнул, дырявя gobелен в том месте, где секунду назад находился Щетинин. Более молодой и проворный поручик, упавший мгновение назад на колено под прикрытие стола, уже успел выдернуть из-за пояса браунинг и нажать на спусковой крючок.

– Вот дура-а-ак! – сквозь зубы прошипел он, глядя, как медленно оседают на дорогой наборный паркет семь пудов августейшего мяса.

Он поморщился, аккуратно положил на журнальный столик пистолет, тяжело встал, опершись на спинку кресла. Терпеливо дождался, когда в номер вломятся, запыхавшись, охрана, обслуга и специально приглашенные им же журналисты, сделал два шага в центр комнаты, развернулся лицом к вбежавшим и громко, как будто на плацу, произнес:

– Я, поручик лейб-жандармерии Российской империи, князь Щетинин, прибыл во Францию по личному приказу его императорского величества с целью арестовать и доставить в Россию генерал-адмирала, великого князя Алексея Александровича за его отказ выполнить приказ императора о тайном минировании кораблей британского военного флота.

На следующий день после взрыва. Лондон

– Господин Игнатъев, вы потрясающе пунктуальны, несмотря на столь ранний час! – Безымянный офицер с золотыми эполетами и короной директората военно-морской разведки Британии был обходителен, подобно самке богомола в период брачных игр. – Как та пташка из английского фольклора, которой достаются все червячки – *the early bird catches the worm*. Неудивительно, что сэр Джеймс дал вам самые комплиментарные рекомендации.

– Вы мне льстите, кэп, – обозначил легкий поклон Алексей. – Я просто аккуратно делаю свою работу, стараясь быть полезным моему Отечеству.

– Нисколько, – еще более благостно прожурчал англичанин, – вся ваша информация оказалась предельно точна, а прогнозы подтвердились самым удивительным образом.

– Кэп, – еще раз отвесил поклон Игнатъев, – предлагаю закончить с комплиментами и перейти к сути дела, так как предполагаю, вы меня пригласили не для того, чтобы осыпать лепестками роз, а совсем по другой, гораздо более прозаической причине.

– Да... К сожалению... *Hope for the best, but prepare for the worst*¹, – мгновенно помрачнел английский разведчик. – Вы уже в курсе этого ужасного преступления? Какое варварство! Какая первобытная бесчеловечность!

Игнатъев вздохнул, кивнул и сделал максимально постное лицо, всем своим видом демонстрируя возмущение варварством вообще и каждым конкретным проявлением бесчеловечности в частности.

– В таком случае, – приободрился англичанин, – прошу, ознакомьтесь с информацией, только что полученной из Парижа. Она завтра появится во всех газетах у нас и на континенте.

– Если вы о лейб-жандарме Щетинине, генерал-адмирале и приказе императора России, то не трудитесь, я уже получил соответствующее телеграфное сообщение из Франции.

– Ах да, конечно, я забыл, с кем имею дело, – с пониманием улыбнулся англичанин, – у вас везде свои люди. Как говорят ирландцы, *birds of a feather flock together*². Тогда перейдем к делу. Как вы сами понимаете, Британия не оставит без внимания акт такой вопиющей агрессии со стороны России. Но мы не заинтересованы в примитивном военном сокрушении вашего государства. В наших интересах иметь Россию сильной, целостной и дружественной. Поэтому мы предпочли бы не воевать с ней, а просто помочь избавиться настоящим русским патриотам, таким как вы, граф, от насквозь прогнившего царского режима.

– А вам не кажется, что строить государственную политику и принимать серьезные решения, основываясь на словах какого-то поручика, даже и лейб-жандармерии, это несколько неубедительно?

– Ну что вы, граф. Это не единственный источник информации. Еще до трагедии мы имели честь беседовать с великим князем Кириллом Владимировичем, полностью подтвердившим информацию, полученную вчера от поручика Щетинина. Великий князь лично засвидетельствовал наличие этого приказа, так как должен был быть в числе его исполнителей. Теперь,

¹ Надеясь на лучшее, будь готов к худшему (англ.). – Здесь и далее прим. авт.

² Птицы с одинаковым оперением держатся вместе (англ.).

сами понимаете, the pen is mightier than the sword³. Кроме этого, ему вменялось в обязанность организовать захват острова Борнхольм. Как видите, ваш монарх не щадит даже родственные чувства своей мамы. Ну, и как можно иметь дело с таким неадекватным правителем? Вы не представляете, граф, с каким удовольствием мы бы сотрудничали с людьми, подобными вам, стоящими во главе России. When the going gets tough, the tough get going⁴, – продолжал сыпать разведчик крылатыми фразами.

– Вы мне опять льстите, – с укоризненной улыбкой отреагировал Игнатьев.

– Ну, может быть, самую малость. – Настроение англичанина вернулось на прежний вальяжно-оптимистический уровень. – Я хочу предложить вам триумфальное возвращение на Родину. Как говорят шотландцы, there's no place like home⁵. Тем более что у нас теперь есть все, чтобы вы остались довольным нами так же, как и мы довольны нашим сотрудничеством.

– Считайте, что вам удалось меня заинтриговать!

– Постараюсь не разочаровать и в дальнейшем. За прошедший год в связи с бурными и жестокими репрессиями, развязанными русским царем, очевидно, вообразившим себя вторым Иваном Ужасным...⁶ – На этом месте англичанин сделал паузу, проверяя реакцию Игнатьева, но, не найдя ничего, кроме маски вежливости, продолжил: – Количество недовольных его правлением выросло настолько резко, что вся страна представляет собой пороховой погреб. Поднеси спичку – и она вспыхнет ярким революционным пламенем. Британия, как старейшая демократия Европы, имеющая семивековой опыт парламентаризма, готова всемерно содействовать прогрессивным силам в России в их справедливом желании свергнуть самодержавие, потерявшее всякие представления о цивилизованном существовании, провозгласить республику и влиться, таким образом, в ряды просвещенных европейских держав.

– Мне кажется, кэп, вы излишне оптимистичны насчет количества недовольных в России и их готовности к вооруженному мятежу.

– Ошибаетесь, дорогой граф. Россия, конечно, огромна и, как бы правильнее выразиться, статична. Среди русских очень много тех, кто трагически лоялен, и на них мы не рассчитываем. Как говорят янки, you can lead a horse to water, but you can't make him drink⁷. Но за тот год, пока вы беззаботно проводили время в Англии и Шотландии, в России, как кролики, плодились антиправительственные кружки, общества и партии. Мы установили связь более чем с двумя сотнями революционных организаций самого различного толка, объединенных лозунгом Великой французской революции – Liberte, egalite, fraternite. Вместе они уже представляют серьезный революционный союз... Пока неформальный, но тут дело за лидером...

Ваша русская интеллигенция, в которой никогда не угасал дух Герцена и Чернышевского, вполне грамотно и настойчиво создает атмосферу недоверия и нетерпимости к любым действиям властей и приветствует самое решительное, в том числе вооруженное, сопротивление режиму. Работать с ней одно удовольствие. Вся она находится на казенном содержании, но при этом занимает крайне враждебную позицию по отношению к кормящему ее самодержавию. Русская интеллигенция, как говорят буры, one man's trash is another man's treasure⁸.

Английский офицер даже прикрыл глаза, переживая столь удачно складывающиеся отношения с творческими образованцами России. Ни в одной другой стране это было невозможно. Власть содержала тех, кто усиленно подрывал ее авторитет. Немыслимо! Нигде! Ни в свободолюбивой Франции, ни в бесшабашной Америке, и уж тем более кажется полным абсурдом

³ Перо сильнее меча (англ.).

⁴ Когда встречаются трудности, неугодные идут вперед (англ.).

⁵ Нет места лучше дома (англ.).

⁶ С английского Ivan Terrible именно так и переводится.

⁷ Ты можешь привести коня к водопою, но ты не заставишь его пить (англ.).

⁸ Мусор для одного, сокровище для другого (англ.).

в Британии и Германии. Особенно англичан радовало то, что интеллектуальные голодранцы России имели прямой доступ к ушам и глазам простого населения, работая в газетах и университетах, формируя мировоззрение сразу всех слоев российского общества.

– Второй, и крайне немаловажный фактор, – стряхнул наконец с себя грезы капитан английской разведки, – это предприимчивые купцы, раздраженные непомерными налогами на такие респектабельные и законные виды предпринимательства, как спекуляция и ростовщичество. Они не только активны, но еще и богаты, могут позволить себе финансировать оппозиционную печать, движения, партии. Третье – это революционные боевые отряды, формируемые из радикально настроенной молодежи и обиженных властью граждан. Цементируют эту разношерстную публику и усиленно обучают ее военному делу уволенные из армии и сочувствующие революции офицеры.

Большое количество бывших военнослужащих среди боевиков позволяет надеяться, что вооруженное сопротивление выльется не в бунты, а грамотные военные операции. Остается только поджечь запал, роль которого предстоит сыграть британским вооруженным силам и нашим союзникам... Мы намерены нанести сокрушительное поражение царским войскам, готовящимся к удару по Индии, и думаем, что две-три военные неудачи превратят тлеющую массу недовольства в активно полыхающий пожар спасительной для России революции. Ну а дальше дело за вами и вашими единомышленниками, граф. If you want something done right, you have to do it yourself⁹.

– Но, кэп, вы же прекрасно помните, чем закончилось выступление гвардии в январе прошлого года.

– Да, – поморщился англичанин. – Это как раз тот случай, когда, как говорят у нас в Лондоне, too many cooks spoil the broth¹⁰. Но мы сделали соответствующие выводы. Руководитель будет один, а революционное выступление состоится на фоне военных неудач и разочарования населения в самодержавии. Кроме того, мы предлагаем сместить точку приложения усилий. Столица, наспигованная жандармами, вообще, не самое удобное место для организации революционных акций. События на этот раз будут развиваться совсем по другому сценарию. Задача вашей революционной армии – захватить небольшую провинциальную территорию, провозгласить на ней республику, обратиться за признанием и помощью к цивилизованным странам и уже потом, по мере накопления сил, расширять ее границы, пока они не достигнут рубежей всей империи, а может, – англичанин заговорщицки посмотрел на Игнатьева, – даже и превзойдут их...

– И куда вы предлагаете сместить точку приложения усилий? – максимально нейтральным голосом поинтересовался Алексей, старательно скрывая свое волнение.

Англичанин подошел к огромному, в половину человеческого роста глобусу, качнул его и уверенно ткнул пальцем в Байкал.

– Оптимальным для провозглашения свободной республики является место, где долго и успешно служил губернатором ваш отец. У вашей семьи наверняка осталось достаточно много хороших друзей и влиятельных знакомых... Именно там сегодня находится артерия царского режима. Стоит ее пережать, и империя распадется на две части, не способные существовать друг без друга. Благодаря широкомасштабному строительству, затеянному царем на Урале и в Сибири, резко возросло количество новых людей в этих краях, и подпольные революционные организации получили возможность концентрировать силы под видом людей, завербовавшихся на строительство заводов и дорог. Вот и вам мы предлагаем отправиться в эти места, но в другом, привычном для вас, статусе кавалерийского офицера.

⁹ Если хочешь сделать хорошо, сделай это сам (англ.).

¹⁰ Слишком много поваров портят бульон (англ.).

– Но как? – развел руками Игнатьев. – Кто восстановит меня на службе и пошлет в нужное место? Или я отправлюсь в Россию как частное нелегальное лицо?

– О, не беспокойтесь, – самодовольно улыбнулся англичанин. – Как говорится, no man is an island¹¹. Я же сказал, что мы не теряли времени, и этот год был самым урожайным на новые полезные знакомства. Лояльные люди есть практически во всех ведомствах, в том числе и в военном. Они помогут легализовать ваше отсутствие, а мы поможем им. Для всех вы будете добровольцем, воевавшим весь прошлый год с Англией в рядах буров. Мы даже объявим вас в розыск как особо опасного партизана.

Но ваша миссия в России будет не только военно-революционной... Мы хотим поручить вам присмотреть за одним молодым человеком, вместе с которым вы вернетесь домой... Для всех он будет вашим непосредственным начальником, но сугубо между нами... Мы питаем некоторые сомнения относительно соответствия амбиций этого офицера его умственным способностям, поэтому предлагаем вам контролировать его действия...

– И кто же этот несамостоятельный, но такой нужный вам человек?

– Сын дяди русского царя, неудавшегося регента неудачного прошлогоднего бунта, великий князь Андрей Владимирович. Он тоже, якобы, воевал с вами в Трансваале...

– Вы сказали, что он – непосредственный начальник. Будет еще кто-то?

– Да. Формально ваш босс, как говорят янки, подпольный военно-революционный комитет. В действительности вас найдет человек и представится Фальком. Это и будет реальный руководитель. А чтобы вы не сомневались, что это именно он, его представитель или он сам передаст вам вторую половину вот этой купюры.

– Еще один вопрос, кэп... – Игнатьев подождал, пока англичанин сфокусирует на нем свой взгляд. – На территории Российской империи будет провозглашена всего одна независимая республика?

Разведчик явно не был готов к такому вопросу и откровенно замялся...

– Простите, граф, а зачем вам такие подробности?

– Для того чтобы понимать: на подавлении нас одних будет сосредоточена вся мощь правительственной армии или кто-то еще готов разделить с нами все тяготы борьбы за светлое будущее моего Отечества?

– О, не беспокойтесь, граф, – растянулось в резиновой улыбке лицо английского разведчика. – Обещаю, вы будете не одиноки! Но кто из сепаратистов главней, вам придется решать самостоятельно.

– Вы меня успокоили. – Игнатьев поклонился. – Когда назначен отъезд?

– Если у вас нет никаких срочных дел, то немедленно. Впрочем, ничего не меняется, даже если они у вас есть. Великий князь ждет вас в соседнем помещении, и вам обоим надо еще многое обсудить с нашими африканскими специалистами, чтобы ваша легенда о пребывании в Трансваале не рассыпалась при встрече с первым же волонтером.

20 марта 1902 года. Китай. Ляодун

Станция Дашичао – ключевая точка на южно-маньчжурском участке КВЖД, железнодорожный перекресток, где смыкаются английская ветка, тянущаяся от Пекина, и отрезок Харбин – Порт-Артур. Расположенная на границе долины и гор провинции Ляодун, отделяющая взъерошенную холмами юго-восточную часть от плоской поймы реки Ляохэ, на фоне гор она выглядит совсем игрушечной, особенно весной, когда по вчера еще голым сопкам взбегают вверх первая зелень, а причудливо изогнутые ступенчатые крыши пагод уже утопают в белых и розовых облаках цветов фруктовых деревьев.

¹¹ Человек – не остров (англ.). Аналог русской пословицы «Один в поле не воин».

Совсем недавно отшумел китайский Новый год, самый длинный и веселый праздник Поднебесной, а сегодня китайцы, как мураши, уже ковыряются в земле, торопясь ее обработать и заложить хорошую основу для будущего урожая. Солнечная и теплая весна – время оптимизма, излучаемого даже пеньками на месте зимней вырубki.

Но офицеры, собравшиеся в пакаузе охранной стражи КВЖД, радостью явно не светились. Они внимательно слушали донесение китайского агента с непроизносимым именем, по взаимному согласию окрещенного Семеном. Только что вернувшийся из Инкоу торговец скобяными товарами – ходзи, – Семен качал головой и сбивчиво рассказывал о разгроме русской таможни, обстреле и утоплении бедного пароходика «Самсон», штурме градоначальства, аресте подданных империи и перечислял, загибая пальцы, подразделения Бэйянской армии. За их спинами маячили японские и английские военные, участвовавшие в этой акции идвигающиеся в настоящее время на полуостров.

– Степан Андреевич, – обратился начальник укрепрайона подполковник Леш к капитану Ржевцукому, мундир которого украшал «Георгий» четвертой степени, – вот вам и второе пришествие ихэтуаней. Значит, придется повторить ваш подвиг. Собирайте железнодорожников, горных инженеров, вообще всех, кого сможете найти, снимайте гарнизоны от Дальнего до Мукдена, формируйте эшелон и эвакуируйте в Харбин. Справитесь?¹²

Офицер в новой форме пограничного корпуса, с подкрученными вверх усиками, уже успевший загореть до черноты на весеннем солнышке, коротко кивнул и взглянул на карту, разложенную на столе.

– Не впервой, Леонид Вильгельмович! Два года назад только винтовки да сабли в руках были, и все равно пробились. А сейчас, с пулеметами да горными пушками, точно не подведем.

– Ну вот и славно. Теперь вы, Леонид Николаевич, – обратился Леш к приданному его гарнизону командиру артиллерийских разведчиков. – Как стемнеет, занимайте наблюдательный пост на западной высоте железнодорожного холма у деревни Шихуаюцзы. Сидеть тихо. Себя не выдавать. Будете нашими глазами и ушами. Проверьте телефонные линии, удостоверьтесь, что в аварийном случае сможете передавать сообщения морским семафором.

Проводив глазами артиллериста, подполковник еще раз пробежался взглядом по карте, вздохнул и резко поднялся из-за стола.

– Казачьим разъездам установить визуальный контакт и вести непрерывное наблюдение за противником. Отправить в Порт-Артур подробное телеграфное сообщение. Просить генерала Стесселя поторопиться с эвакуацией гарнизона. Мы будем держать позиции, пока последний эшелон не проследует к Мукдену... Но у меня всего две батареи и один батальон, а, если верить китайцам, сюда идут не менее двух полков, так что пусть поторопятся... Ну а нам, гос-

¹² Штабс-капитан Ржевцкий во время восстания ихэтуаней в 1900 году организовал отход гарнизона станции Телии и эвакуацию мирного населения в Харбин. В момент нападения китайцев на станцию 23 июля там находилось всего 166 казаков и 39 пехотинцев охранной стражи, а также около 200 железнодорожных рабочих и более 250 китайцев-христиан. Для этого требовалось преодолеть более 450 км по территории, охваченной пламенем восстания. Китайцы быстро обнаружили отряд и установили его численность. Во второй половине дня они атаковали русских одновременно с нескольких направлений. Атаки были отражены огнем с места, после чего Ржевцкий приказал ускорить движение, бросив часть обоза. Расчет оказался верным. Занявшись дележом добычи, китайцы не смогли организовать преследование. 27 июня отряд достиг станции Шуан-Мао-Дзи, где в его состав вошло еще более 30 стражников, отошедших с других постов. В результате силы русских увеличились до 274 сабель и 70 штыков. Этого оказалось достаточно, чтобы в тот день отразить нападение полуторатысячного отряда китайцев, не потеряв ни одного человека убитым. Правда, 18 человек получили ранения. На следующий день у д. Мяозгоу отряд вновь был атакован превосходящими силами противника. На этот раз одновременно с обороной занятой позиции Ржевцкий приказал сотне казаков контратаковать китайцев во фланг. Противник был рассеян. Среди многочисленных убитых и раненых, оставшихся на поле боя, был обнаружен главный воинский начальник Мукденской провинции. 2 июля в районе станции Чунь-Чунь противник снова преградил путь отряду. Ржевцкий решил контратаковать врага. Завязался тяжелый бой, который выиграли русские. Они прорвались сквозь напряительские ряды, потеряв 3 человека убитыми и 14 ранеными. Девять дней спустя отряд достиг Харбина, усилив его гарнизон более чем на 300 активных бойцов. Несмотря на трудности отхода и активность противника, русские потеряли всего 10 человек убитыми и 31 раненым. За умелое руководство войсками и личную храбрость командир отряда Степан Андреевич Ржевцкий был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

пода, – обратился он к оставшимся офицерам, – самое время прогуляться по свежему воздуху на рекогносцировку.

Позиции на господствующей над станцией Дашичао Стрелковой горе начали отстраивать год назад. Поначалу сами укрепления и порядок их возведения для подполковника были незнакомы и малопонятны. Вместо привычных по Михайловской академии люнетов, редантов и эполементов – ломаная линия траншей с бойницами в бруствере и блиндажах через каждые полсотни шагов. Странные и непривычные артиллерийские капониры, изначально даже не предусмотренные для стрельбы прямой наводкой, где сейчас стояли модернизированные – с противооткатными механизмами – 87-миллиметровые пушки на поворотной раме.

Командиры батарей штабс-капитаны Андреев и Янушевский уже проверяют связь с корректировщиками. До передового наблюдательного пункта на железнодорожном холме чуть больше версты. Связисты и артиллеристы вместе тестируют полевые телефоны Голубицкого, прозванивают линии, тянущиеся на метровой глубине под железнодорожным полотном до передовой НП.

Щелкает тумблерами коммутатор на центральном командном пункте. Штаб укрепрайона строили особенно долго, пряча в тело горы, закрывая армированным бетоном, тщательно маскируя под рельеф местности. Все работы – только ночью, и только силами специальной военно-инженерной команды. Но зато и получилось на славу. КП вписан в рельеф горы идеально.

Подполковник взбежал на железнодорожную насыпь, придирчиво осмотрел пулеметные гнезда. Если бы он не знал их как свои пять пальцев, вряд ли смог бы разглядеть. В голове всплыли строчки наставления по использованию главного оружия его гарнизона: «При наступлении пулеметы в большинстве случаев применяются для фронтального обстрела впереди лежащих целей. При обороне же они представляют собою огневое средство для действия преимущественно во фланг. Всегда нужно стремиться к фланкирующим действиям».

Леонид Вильгельмович покрутил головой и улыбнулся легкости, с которой всплыл в голове текст секретной книжицы, читать которую можно было только в учебном центре. Он, как и другие офицеры, желающие остаться на службе, весь прошлый год, словно юный кадет, не только зубрил новые уставы наставления, но и сдавал экзамены по теории и практике применения. «Тактика пехоты в обороне и в наступлении», «Наставление по полевой службе штабов», «Инструкции по взаимодействию родов войск», «Наставление по использованию средств связи», «Руководство по оборудованию оборонительных позиций дотами, дзотами, колючей проволокой и самовзрывающимися фугасами»...

Экзамены у подполковника принимал добрейший генерал Зарубаев, закрывший глаза на некоторые огрехи подчиненного, поэтому проскочить удалось с первого раза. А вот у самого генерала, как и у всех военачальников, начиная с полковников, экзамены принимал лично государь и резал безо всякой оглядки на старые заслуги. Количество «оставленных на повторную переаттестацию с временным отстранением» и даже уволенных без прошения среди них было ужасающим – три четверти генеральских должностей остались вакантными...

– Господин подполковник, разрешите обратиться? – К начальнику укрепрайона спешил запыхавшийся связист.

Такое обращение тоже было новым. «Ваше благородие» оставили только для георгиевских кавалеров, «ваше превосходительство» – для кавалеров совсем новых орденов – Кутузова и Суворова, Ушакова и Нахимова...

– Да, слушаю, подпрапорщик.

– Мукден сообщение принял. Крепость не отвечает!

– Продолжайте вызывать. Семь батальонов не иголка в стоге сена... Что-то еще?

– Ставка объявила о смене шифра на красный и просит слать донесения по беспроволочному телеграфу каждые два часа.

Подполковник удовлетворенно кивнул. Это означало, что в Москве заработало оперативное управление Генерального штаба, и теперь через немыслимые расстояния связисты будут непрерывно передавать информацию с мест, а штабисты – непрерывно наносить на карту империи свежие данные по каждому батальону: местоположение, текущая задача, направление движения, потери, боезапас, а также информацию о противнике, которой обладает каждое подразделение. Информация будет обновляться двенадцать раз в сутки. Так есть надежда, что никого не забудут в суматохе, и их боевая работа, а может быть, и смерть на поле боя не будут напрасны.

Сутки спустя

Капитан J. Kean Bart презрительно посмотрел на знамя первой Бэйянской дивизии, развещающее над его боевой колесницей, скривился, как от недозрелого лимона и поспешно отвернулся. Видеть над башней английского морского орудия флаг этих желтолицых варваров было невыносимо. Да и вообще, участвовать во всем этом маскараде потомственный военный, гордо добавляющий к своему имени приставку «сэр», считал неуместным и унижительным.

Его бронепоезд, вооруженный длинной 12-фунтовой (12 pr 12 cwt QF) пушкой, швыряющей трехдюймовые гранаты аж на девять тысяч ярдов, в одиночку мог прогуляться по всем русским станциям и мокрой тряпкой загнать их гарнизоны обратно в русскую тайгу. Но политики играли в свои игры, поэтому приходилось наступать песне на горло и изображать добровольцев-волонтеров, сражающихся за китайцев, которые освобождают свою землю от русских интервентов, то есть прямо намекать царю на русских добровольцев, воюющих за буров.

Теперь приходится сидеть на солнцепеке и ждать, когда закончится этот восточный политес – парламентеры, уточнение полномочий, переговоры, вручение китайцами местному русскому начальнику ультиматума о капитуляции, опять парламентеры...

Командир десанта и всех гламорганских йоменов майор Уиндем-Куин, отмеченный в Африке орденом «За выдающиеся заслуги», счастливый человек. Он в своей стихии и с интересом смотрит на маневры идущего в авангарде китайского полка Бэйянской армии. Майор, нигде, кроме Англии и Африки не бывавший, увидев прусскую форму и вооружение китайцев, сделал охотничью стойку на эту помесь бульдога с носорогом – Востока с Западом. А капитану Барту зоопарк неинтересен. Он насмотрелся на него в Индии. Не представляет, что может быть нового и интересного у этих китайских, русских, японских дикарей? Они даже на лицо все одинаковые...

Капитан приподнялся на цыпочки, приглядываясь к отчаянно семафорившему адъютанту китайского полковника. Ну наконец-то долгожданный сигнал! Теперь можно повеселиться! Орудие – к бою!

* * *

Решительные реформы, затеянные императором, застали штабс-капитана Гобято¹³ на последнем курсе Михайловской артиллерийской академии, и Леонид с первых же дней стал их яростным адептом. Стрельба с закрытых позиций, вычисление вражеских батарей по трассировке и акустике, управление огнем специально подготовленными корректировщиками настолько увлекли молодого офицера, что он не раздумывая подал рапорт на включение в специальное подразделение артиллерийских разведчиков.

¹³ Гобято Леонид Николаевич – русский конструктор оружия, изобретатель миномета. Во время Русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура. С начала войны – капитан, командир полубатареи 3-й батареи 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. В бою под Цзиньчжоу, командуя полубатареей, впервые в боевой обстановке применил стрельбу с закрытой огневой позиции с помощью угломера.

Почти год теоретические занятия перемежались с пытками и издевательствами на полигонах, где ветераны англобурской войны и казаки-пластуны наглядно демонстрировали, чем отличается хороший разведчик от мертвого. А еще требовалось приобрести навыки работы с полевым телефоном, беспроволочным телеграфом, морским семафором, сигнальными ракетами, приобрести навык наводить на цель по ориентирам, не видя противника, и дистанционно корректировать огонь орудий.

И вот сегодня – проверка всех его теоретических знаний. Высота, на которой оборудован тщательно замаскированный наблюдательный пункт, оказалась на правом фланге развернутого в четыре батальонные колонны китайского полка.

В тылу китайцев – прямо напротив НП штабс-капитана – пыхтел вражеский бронепоезд, водя жалом длинноносой морской трехдюймовки.

Цейсовская оптика давала возможность в деталях рассмотреть грозную новинку – сухопутный железнодорожный крейсер – и оценить, насколько полезным может быть эта бронированная повозка для огневой поддержки пехоты. Вот прислуга орудия засуетилась, офицер европейской наружности скользнул в башенное отделение, после чего ствол дернулся чуть влево, пушка злобно гавкнула, украсившись цветком огня и облачком белесого дыма.

Станционное здание вздрогнуло, из окон вместе с дымом и пылью полетели ошметки рам и осколки стекла, а русский триколор взметнулся вверх, сорванный с флагштока, и раненой птицей ринулся вниз на заваленный мусором перрон.

– Прошу разрешения на открытие огня, – не отрываясь от бинокля, кинул связисту Гобято.

– Господин подполковник требует начинать только по его команде, – пробубнив что-то в телефон, шепотом ответил висящий на линии связист.

Орудие бронепоезда тем временем перенесло огонь на блокгауз и лупило по нему без остановки. Бетонная коробка буквально утонула в грязных клубах дыма от разрывов гранат и цементной пыли. Прикрывшись такой завесой, китайская полурота не спеша сосредоточилась у насыпи и, дождавшись окончания артподготовки, одним броском добралась до бетонного основания блокгауза.

Пока у атакующих все шло как по нотам. Блокгауз молчал, покинутый гарнизоном в самом начале артподготовки, и остальные батальоны уже не спеша начали подниматься на насыпь. И вдруг гора ожила. Огненные росчерки опоясали ее склоны, как будто живущий в глубине вулкан пробился наружу через микроскопические жерла. Били сразу шесть пулеметов, по два на взвод – все, что были на вооружении роты, занимающей фронтальные позиции.

Подданных Юань Шикая, успевших перебраться через насыпь, будто срезало гигантской косой. Остальные пороснули обратно под прикрытие рукотворной защиты. Султанчики песка и высверки рикошетов от камней и рельсов проводили уцелевших солдат Бэйянской армии до спасительного укрытия.

Будто опомнившись, заговорила артиллерия бронепоезда. Штабс-капитан знал, что взводные при первых же выстрелах загонят подчиненных в блиндажи, поэтому гранаты, посылаемые снизу вверх, не должны нанести какого-либо ущерба защитникам, но все равно каждый раз вздрагивал всем телом, когда на склоне горы расцветал тюльпан взрыва, разнося в разные стороны куски глины и камни.

– Прошу разрешения на открытие огня, – повторно запросил штабс-капитан подполковника, когда одна из гранат взорвалась прямо на бруствере.

Связист, продублировав его просьбу в телефонную трубку, застыл, густо покраснел и протянул аппарат командиру.

– Господин штабс-капитан! Первый вас требует...

– Ну вот что, дорогой мой Леонид Николаевич, – от голоса Леша буквально веяло ледяным сарказмом, – если вы не прекратите демонстрировать свой служебный энтузиазм, я

замену вас кем-то менее впечатлительным, а вас отправлю на стажировку к кавалергардам, чтобы они вам за карточным столом объяснили, когда стоит открывать прикуп...

Прикуп пришлось-таки открыть раньше времени. После недолгой артподготовки и еще одной атаки, закончившейся не менее катастрофическими потерями атакующего колоннами китайского авангарда, бой притих, а еще через час у деревни Лицзятунь, отстоящей от укрепрайона примерно на три версты, появилась полубатарея пятидюймовых английских гаубиц.

Бурные переговоры прибывшего подкрепления, командира бронепоезда и китайского полковника закончились тем, что прямо к сопке с наблюдательным пунктом русских артиллеристов направились английские офицеры-корректировщики с явным намерением обосноваться на возвышенности, в то время как расчеты их орудий деловито снимали передки, отводили лошадей и готовили гаубицы к бою.

– Леонид Николаевич, – в голосе подполковника слышалась явная досада, – а вот теперь воленс-ноленс пора.

Командуйте! Отгоните непрошенных гостей и сразу же переносите огонь на их пушки. Бронепоезд оставьте, он со своей пушкой не так опасен.

Первые облачка шрапнели, лопнувшие в небе над головами англичан, проинформировали их о присутствии на поле боя нового игрока. Но реакция британских подданных оказалась совсем не та, на какую рассчитывали защитники. Вместо того чтобы ретироваться до бронепоезда или до ближайших построек, английские артиллеристы, умело используя ложбинки и валуны, опоясывающие холм, словно складки шарпея, с удвоенной энергией начали карабкаться по крутому склону, хватаясь за кустарник и используя в качестве посоха артиллерийскую буссоль.

– Прикрытию – огонь! – упавшим голосом приказал Гобято, понимая, что инкогнито раскрыто и дальше игра пойдет открытыми картами.

Ожили и застрекотали оба пулемета на восточной высоте железнодорожного холма. К ним присоединился «мадсен» от самого НП. Срезанные косо прицельным перекрестным огнем, английские офицеры своей смертью купили информацию о наличии на правом фланге еще одной позиции противника. Пушка бронепоезда медленно начала разворачиваться на девяносто градусов, а к подножию холма устремились сразу два резервных китайских батальона.

Бой рассыпался на отдельные, не связанные друг с другом участки. Пулеметчики прикрытия артиллерийского НП отчаянно пытались не пустить на вершину непрошенных гостей, прижимая к земле китайские цепи. Пушка бронепоезда молотила своей кувалдой по вершине, судорожно пытаясь нащупать позиции защитников, а штабс-капитан Гобято, не обращая внимания на близкие разрывы, оглушенный и оглохший, орал в телефонную трубку, наводя огонь своих батарей на гаубицы противника, готовых вот-вот включиться в эту смертельную дуэль.

– Еще полделения вправо! Уже лучше... Еще! Так держать! Есть накрытие! Беглым...

– Господин штабс-капитан! Уходить надо! – кричал сквозь очередной разрыв английской гранаты второй номер пулемета, привалившись к бревенчатой стене блиндажа и спешно набивая магазин к «мадсену».

– Нельзя! Отсюда они у нас как на ладони! – бросил через плечо Гобято и опять схватился за морской бинокль.

– Дальше два. Гранатой. У них там зарядные ящики. Огонь!

– Господин штабс-капитан, обошли! От станции подкрасились! Не сдюжим!

– Оставить вторую высоту! Группу прикрытия на НП! – прорычал артиллерист.

Он беспомощно осмотрел блиндаж. Сделано-то добротно, но даже с тремя пулеметами два батальона не сдержать. «Да будь что будет», – решил он и опять схватился за бинокль, не только услышав, но и почувствовав, как вздрогнула земля, а на месте, где стояли английские гаубицы, поднялся вверх столб грязно-серого дыма.

– Ай да Андреев! Ах молодец! Врезал так врезал! – удовлетворенно закричал в трубку артиллерист. – Прямое попадание, лиддит взорвался! А чего это бронепоезд замолчал? Неужто и ему досталось?

– Да нет, – судорожно сглотнул пулеметчик, аккуратно снимая с бруствера оружие, стараясь не касаться раскаленного ствола, – своих задеть боится. Больно близко подобрались, черти...

– Прикрытие...

– Нет больше прикрытия, все там полегли...

– Ну что ж...

Штабс-капитан расстегнул кобуру, потянул оттуда штатный наган, внимательно осматриваясь, как бы половчее забаррикадироваться в немудреном укрытии. Дощатый стол, скамья, планшет с нанесенной на карту сеткой координат... Нет, все-таки оружие артиллериста – это пушки!

– Андреев! – После принятого решения голос штабс-капитана стал спокойным и даже каким-то вальяжным. – Вылезай из своей берлоги, будешь сам корректировать. Квадрат восемь плотненько по куполу, пока узкоглазые не закончатся. Понял? Да, Коля, квадрат восемь – это мой НП. И давай поторапливайся, а то к нам уже гости в дверь стучат...

* * *

Полностью расстреляв снаряды, бронепоезд капитана Барта медленно отползал от него-степриимной станции. Дымились отработавшее на расплав ствола орудие и позиции гаубичной полубатареи, так и не сделавшей ни одного выстрела. Белый дым поднимался в весеннее небо от занявшихся огнем станционных построек.

Из авангарда Бэйянской армии отползать было некому. Отряд капитана Ржевущого, возвратившийся из Порт-Артура и ударивший с ходу во фланг потрепанным и прижатым к земле китайским батальонам, окончательно сломил волю солдат к сопротивлению, и они начали массово бросать оружие.

Едва закончился бой, все, оставшиеся в строю, включая только что плененных китайцев, бросились тушить разгорающиеся пожары, грозящие перекинуться на крыши стоящих рядом китайских фанз и железнодорожных мастерских. Но был в гарнизоне один человек, не принимающий участия в этом аврале – штабс-капитан Николай Николаевич Андреев¹⁴, командир крепостной батареи 87-миллиметровых пушек.

Вместе со своими подчиненными он буквально руками разгребал заваленные ходы сообщения на артиллерийском НП, растаскивал полуобвалившиеся перекрытия блиндажа, в самой глубине которого под массивным столом из грубо сколоченных досок были найдены изрядно помятые и надыхавшиеся дыма, но все же живые командир разведчиков-корректировщиков и его связист.

– Ленька, чертушка, живой! – Андреев осторожно смахивал с лица друга пыль и песок. – А я так боялся, что своими руками угробил тебя!

– Слышь, Коля, – еле ворочая языком, отвечал артиллеристу разведчик, – в следующий раз надо не лениться, три наката на блиндаж стелить, тогда не прошибет...

22 марта 1902 года. Цзишкар

¹⁴ Николай Николаевич Андреев – герой обороны Порт-Артура. Из боевого донесения 1905 года: «Два дня японцы атаковывали Угловые горы, что у бухты Луиза. Все их атаки отбиты; Угловая, Высокая и Дивизионная – в наших руках. Потери неприятеля очень велики. Особенно отличились: генерал Кондратенко, полковник Ирман, подполковник Иолшин, артиллерии капитан Андреев».

Капитан Варгасов с сожалением оглянулся на теплую уютную казарму, поправил мохнатую маскировочную накидку, делающую его похожим на средневекового пилигрима и scomандовал

– Рысю – арш!

Ворота добротного шестиметрового забора медленно и величаво закрылись, отделив взвод от робкой надежды на отдых и сон. Батальон был поднят по тревоге аккуратно после ужина, когда офицеры занимали места в клубе, предвкушая свежие газеты, гитару, неспешные разговоры и чашечку кофе, сдобренного сумасшедшими изделиями полковой хлебопекарни.

Взвод капитана привычно уходил в ночь по стократно изученному за этот год маршруту. Лица сосредоточены и спокойны. Одежда «леших» уже не веселит и не вызывает удивления: оценили и привыкли. Никаких внешних знаков различия, с виду – почти как местные разбойники-хунхузы. Хотя никто и не вспомнит, когда этих разбойников видели тут в последний раз. Отдельный батальон охотников, сформированный на четверть из прошедших школу бурской партизанской войны и на три четверти – из добровольцев, выдержавших жесткий многомесячный отбор, больше напоминавший гонку на выживание, извел хунхузов под корень еще в прошлом году.

Во время восстания ихэтуаней из Европейской России массово направлялись офицеры для укомплектования развертываемых Сибирских стрелковых полков. Среди них был доброволец Павел Александрович Варгасов. Участие в Китайской кампании 1900 года стало его боевым крещением. А когда надо было возвращаться в полк, началась общая реорганизация всей армии, и Павел, недолго думая, подал рапорт о зачислении в учебный батальон особого назначения, формируемый по новому штату и новому уставу.

Привлекала возможность служить рядом с африканерами, овеванными героическими легендами и слухами. Грели душу двойной оклад, полное вещевое и продуктовое довольствие, а значит, не требовалось тратить жалование на обмундирование, оружие, пропитание и самые различные полковые взносы. Переступая порог бывшего китайского импаня, перестроенного в хорошо укрепленный военный городок, Варгасов даже не представлял, насколько его новая жизнь будет отличаться от предыдущей.

Поначалу создалось впечатление, что вернулся в родное Казанское юнкерское училище. Строгий, спартанский казарменный быт, без оглядки на звания и былые заслуги, и великое множество разных занятий!

Тактика и вооружение британской армии в Трансваале, анализ партизанских операций буров, Японо-китайская война, тактика и вооружение японской и китайской армий. Общие правила диверсионных операций, базирования и передвижения в тылу противника. Обеспечение скрытности марша, преодоление водных преград, полевая разведка и контрразведка, опыт отечественных пластунов и партизанов, начиная от гусара Давыдова. Проверки на внимательность, зоркость, способность запоминать большие массивы информации.

Все остальное время занимало изучение оружия и стрельба из него. Единственное развлечение – прибытие пополнения, не осведомленного о столь разительных отличиях в новых и старых армейских порядках.

В конце XIX века в русской армии существовала весьма примечательная форма снабжения, в соответствии с которой офицер должен в очень большой степени всем необходимым обеспечивать себя сам. Система «без расходов от казны» была заведена еще при военном министре Ванновском. Преемник его, Куропаткин, будучи ревностным и убежденным хозяйственником, развил ее, доведя до геркулесовых столпов. Мало того что каждый офицер вооружался и обмундировывался самостоятельно, так еще и возил с собой личный обоз со всем необходимым в походе – от армейской палатки до кухонной утвари и продуктов питания.

Естественно, к обозу прилагались денщики, вестовые и просто слуги, набираемые и содержащиеся офицером самостоятельно, без всякой оглядки на какие-то там требования сек-

ретенности. Немудрено, что в таких условиях войсковое подразделение в походе представляло собой цыганский табор, где ни о каком порядке и сохранении военной тайны невозможно было даже мечтать.

Вся эта привычная старорежимная армейская действительность оставалась для вновь прибывших за шестиметровым забором в самом буквальном смысле этого слова. Военные, явившиеся на место службы со своим обозом, вставали перед выбором – пересечь порог части в одиночестве и без барахла или остаться с милым сердцу имуществом и слугами, но за пределами подразделения и службы в целом.

Старослужащие батальона от души потешались, наблюдая метания новичков между скарбом и КПП, отчаянные попытки уговорить флегматичного ветерана Англо-бурской войны полковника Щеглова «сделать исключение» и даже пригрозить ему высокопоставленными родственниками. Попервой почти половина явившихся разворачивала оглобли. Но зато подписавшиеся под обязательством «стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы» очень быстро оценили благотворное влияние новых порядков, полностью скрадывающих имущественное расслоение, и даже нашли романтику в аскетичном быте, сравнивая батальон с легендарными тремя сотнями воинов спартанского царя Леонида.

По мере комплектования штата начались совершенно другие занятия. В учебных классах – китайский, японский, корейский языки, обычаи, порядки, этические нормы и мораль различных слоев дальневосточных этносов преподавались так, словно офицеров готовили для дипломатической службы. «На свежем воздухе» проходили освоение совсем незнакомой мобильной телеграфной связи, как проводной, так и беспроводной, минно-взрывное дело, навыки маскировки, умение обнаружить противника, не будучи обнаруженным самому, дневное и ночное ориентирование на местности и тщательное изучение карт – совсем новых, будто вчера вышедших из под пера картографов. При этом ни на один день не прекращались занятия по стрельбе, фехтованию, джигитовке, горной подготовке и медицинской практике.

Летом прошлого года закончилась зубрежка и начались «выходы». Сначала освоили окрестности дислокации: учились на ходу визуально запоминать детали местности до мельчайших подробностей, до сдвинутого камня и сломанной ветки, читать следы, выявлять потайные тропинки и стоянки, оборудовать собственные секреты так, чтобы никто даже не догадывался об их существовании.

Окрестные мальчишки стали лучшими спарринг-партнерами на тренировках по скрытому передвижению и маскировке, а шастающие вокруг хунхузы – той кусачей боксерской грушей, на которой отрабатывались навыки обнаружения, слежения, засад и уничтожения противника. Убитыми и ранеными батальон потерял почти четверть – естественный отбор. Как правило, в лазарет или на кладбище отправлялись самые лихие и бесшабашные, щеголявшие своим презрением к опасности, или закоренелые двоечники, неспособные усвоить правила, писанные кровью.

Обычно вся учеба проходила днем, но по мере освоения окружающего пространства работа все больше смещалась на ночь. В конце концов именно ночное времяпровождение стало основным и главным. День – для отдыха и наблюдения, ночь – для передислокации, оборудования позиции и выполнения задания. Когда местные хунхузы закончились, ареал работы начал стремительно расширяться. К осени марш-броски по пять-десять и даже по пятьдесят верст превратились в рутину. Условия оставались неизменными – выдвинуться в заданную точку так, чтобы ни одна душа не догадалась о присутствии там подразделения российской армии, оборудовать позиции для засады, уничтожить противника, а после так же скрытно вернуться обратно.

В такой обстановке весь год шло боевое слаживание, формирование снайперских пар и подгонка оружия, ставшего предметом особой гордости всего батальона. Его получили перед самым началом нового 1902 года – триста кавалерийских карабинов под патрон 6,5x55SE,

известных также как шведский маузер. И если две сотни из них были хорошо знакомыми Carl Gustaf M96 производства норвежской фирмы Ole H. J. Krag, то карабины, предназначенные для снайперов, оказались абсолютно новыми, невиданными отечественными самозарядными изделиями с магазином на десять патронов и пятикратной оптикой.

Привыкшие к отчаянно бодающейся «мосинке», стрелки сразу оценили мягкую отдачу, настильность легкой остроконечной пули, удобство прицеливания без передергивания затвора. Меткость стрельбы и темп поражения целей выросли кратно. Триста шагов уже считались ближним боем, шестьсот – дистанцией уверенного поражения. Особо глазастые умудрялись попадать в мишень даже на тысяче. Павел Варгасов был как раз одним из них.

Его взвод, все три отделения, сегодня уходил на задание в полном составе. В каждом пара – снайпер и наблюдатель, – расчет ручного пулемета Федорова – Рощепей и сапер. Два ездовых и коновод, отвечающий за все хозяйство маленького подразделения, – единственные, не имевшие офицерского звания. Все остальные – не ниже прапорщика, командиры отделений – поручик и штабс-капитаны.

Новый внештатный атрибут – повозка с беспроводным телеграфом. Начальство потребовало беречь его как зеницу ока, при риске захвата – уничтожить. В кармане капитана Варгасова лежал запечатанный пакет с приказом Генштаба – вскрыть после прибытия в квадрат 32, самый дальний пункт тренировочных походов, что под Мукденом.

25 марта 1902 года. Перл-Харбор

Если на Земле существует рай, то Гавайские острова, несомненно, являются его неотъемлемой частью. Аборигены этой благословенной земли, как и положено детям рая, легкомысленны, жизнерадостны и не слишком склонны к тяжелому монотонному труду. Поэтому не столь уж давний эмигрант, а ныне полноправный гражданин Североамериканских Соединенных Штатов, мистер Соломон Кац начал строить в Жемчужной бухте свои терминалы – четыре угольных, нефтяной, два грузовых и пассажирский, не считаясь с расходами, оснастив их всей погрузочной и разгрузочной техникой, какую только могла предоставить промышленность Соединенных Штатов.

Впрочем, механизация и стремительное изобретение более совершенных машин и механизмов под новые задачи стали визитной карточкой капитализма по-американски довольно давно: слишком необъятны территории молодой и энергичной страны и крайне мало людей на этих территориях, чтобы полностью полагаться на ручной труд. Машина стоит дорого в момент покупки, но ее обслуживание неизмеримо дешевле, чем заработная плата знающих себе цену и неплохо, по мировым меркам, образованных рабочих, не говоря уже о том, что время выполнения трудоемких операций сокращается в разы, если не в десятки раз. А время – деньги.

– Хм, признаться, я был уверен, что ты разоришься на этой аванюре, Сол, – усмехнулся представительный джентльмен с умным, обрамленным бородой лицом и резко контрастирующими с его обликом озорными, мальчишескими глазами. – Уж больно много ты вбухал в свою машинерию.

Из длинного хобота конвейерного погрузчика в горловину ямы русского броненосца лился черный угольный поток.

– Я и сам этого побаивался, Ник, – усмехнулся его собеседник. – Но уже два месяца назад я добился рентабельности по текущим операциям. Многие шкиперы, знаешь ли, ценят скорость, с которой мои малышки забивают их бункера.

Несмотря на то, что оба они использовали привычные американские имена, общались собеседники на чистом русском языке.

– Но сейчас ты, похоже, полностью отобьешь свои вложения. Никогда бы не подумал, что такую ораву можно загрузить углем и нефтью всего за три дня. Полагаю, адмирал Макаров сполна оценил твою расторопность?

– Это коммерческая тайна, мистер президент сената, – усмехнулся мистер Кац. – Ты сможешь ознакомиться с моей налоговой декларацией... Так что – да. Я взял с них тройную цену и уже через неделю смогу досрочно погасить все кредиты.

– И будешь продолжать стричь купоны, – усмехнулся президент Ник.

– Вряд ли, – не согласился Сол. – Уголь – это коммерция. Но большой уголь – это уже политика. А я только что перешел от просто угля к большому. Пятьдесят тысяч тонн, бункеровка целой эскадры с угольщиками – это уже другой уровень, мой друг.

– Политика... – Ник нахмурился. – Ты не думал сам пойти в политику?

– Думал, – кивнул Сол. – Собственно, теперь у меня не будет другого выхода. Благодаря этой эскадре я забрался слишком высоко, и мне теперь будет довольно больно падать. Я просто вынужден играть в эти игры. Ты хочешь спросить меня о том, что я думаю о русском царе, Ник?

– Нет, Сол, – вздохнул тот. – Честно говоря, я собрал о нем уже столько информации, что несколько растерян. Я привык рассматривать его как недалекого, самовлюбленного, капризного вельможу, врага свободы. Но сейчас я просто не знаю, что о нем думать. Кроме того, в настоящий момент меня больше беспокоят поползновения парней с континента. Может быть, они и отрекаются от тирании на словах, но их дела... Я боюсь за будущее Гавайев и их народа.

– Тогда мы беспокоимся примерно об одном и том же, – кивнул Сол. – Саквояжники уже начинают облизываться на мои и твои острова, Ник, на этих славных людей... Мне это не нравится. Боюсь, если мы не примем срочных мер, они подомнут под себя эту территорию и... Нет, какое-то время мы продержимся. Отбились же «Эл-Эй Севен» от мистера Рокфеллера, но...

– Ходят слухи, что это ты помог им отбиться, – усмехнулся Ник.

– Не стану скрывать, – кивнул Сол. – Собственно, вот эти танки, – он кивнул в сторону огромных цилиндров нефтехранилищ, соединенных трубами с нефтяным причалом, – были заполнены и еще заполнятся именно их нефтью. Джонни Эр думал, что прижал ребят из Лос-Анжелеса, но у них были заказы, был аванс, была возможность выдержать атаку на понижение, да еще и скупить собственные акции и даже упрочить свое положение. А Джонни сам потерял немалый кусок и был вынужден пойти на мировую.

– Тогда что делать мне? Точнее, нам? – поднял бровь президент сената Гавайев.

– Езжай в Вашингтон, Ник, – усмехнулся Сол. – Я соберу тебе в дорогу небольшой чемоданчик.

– И что же я должен купить в Туманном болоте?

– Статус полноправного штата, Ник. Полагаю, это поможет тебе и дальше оставаться при деле: ни одна вонючая шишка из Вашингтона не сможет скovyрнуть тебя, если ты станешь избранным губернатором.

– Это неожиданно.

– А значит, имеет шансы на успех. Смотри: царь вот-вот сцепится не только с японцами, но и с англичанами, у которых совершенно внезапно образовался собственный «Мэн». А мы не имеем в Тихом океане приличных баз, способных защитить наши интересы на Филиппинах и в Азии.

Оба мужчины посмотрели в сторону грузового терминала, где мощные краны поднимали непривычно длинные, почти полтонны весом снаряды с недавно пришедшего из Владивостока транспорта и перегружали их на броненосец под Андреевским флагом. Ник не был уверен, что это законно, но ради светлого будущего столь любимых им островов он был готов закрыть глаза на это мелкое нарушение.

– Ты готов расстаться со своими активами здесь? – поднял он бровь, вновь обращаясь к собеседнику. – Дядя Сэм... наверняка захочет выкупить твои причалы.

– Я готов поторговаться, – усмехнулся Сол. – И полагаю, ты тоже. За возможность наблюдать эту войну из первых рядов и при необходимости стать участником... За такой шанс с парней в Вашингтоне можно слупить довольно много.

– Я понимаю, в чем тут интерес Гавайев, – кивнул Ник, – и мой личный тоже. А в чем твоя выгода?

– Я простой хваткий еврейский паренек из местечка под Житомиром и гимназиев не кончал. Сам знаешь старые порядки в России, – ответил Сол. Он не врал: в гимназии, действительно, не учился, но закончил Пажеский корпус и очень расстроился, когда в рамках легенды был вынужден перенести некую специфическую операцию по удалению совершенно лишнего кусочка плоти. – Я возьму деньгами. Большими деньгами. И начну новое дело.

– Здесь же?

– Я планирую повторить операцию в Сан-Диего. Флоту понадобится еще и база непосредственно на Западном побережье, а Сан-Диего довольно близко к Панаме, если ты понимаешь, о чем я.

– Мне не хотелось бы терять такого союзника, Сол.

– Я не сказал, что собираюсь продавать весь свой бизнес, Ник, и останусь гражданином Свободного штата Гавайи, полноправно входящего в союз. И чем больше преференций ты сможешь выкупить...

– Иногда ты бываешь довольно убедителен.

– Если не возражаешь, Ник, я бы направил с тобой в Вашингтон пятерку своих парней. Когда Джонни Рокфеллер сцепился с ребятами из «Эл-Эй», он был не вполне джентльменом. Мои ребята предотвратили то ли семь, то ли восемь поджогов и минимум три покушения. Мне тоже не хотелось бы терять союзника в твоём лице.

Собеседники еще немного полюбовались видом прекрасно работающего морского порта и Андреевскими флагами, заполонившими буквально всю акваторию, расплатились с любезным официантом и направились по своим делам, не заметив, как из-за соседнего столика вслед за ними поднялся, неторопливо осмотрелся и двинулся им вслед невзрачный лопоухий клерк John Baptiste Bernadou, lieutenant commander ВМФ САСШ и «по совместительству» сотрудник ONI – Office of Naval Intelligence, управления военно-морской разведки¹⁵.

Историческая справка

Ник – Николай Константинович Судзиловский (псевдоним – Николас Руссель), ученый-этнограф, географ, химик и биолог; революционер-народник, один из первых участников «хождения в народ». Активист революционного движения в России. В эмиграции – сенатор Территории Гавайи (с 1900), президент сената Территории Гавайи (с 1901 по 1902 год).

1 апреля 1902 года. Ставка Верховного главнокомандующего

– Вот, государь. – Ротмистр Шершов протянул императору лист бумаги. – Здесь телеграммы, направленные в британское посольство в России из Форин Офиса, и действия, принятые послом Скоттом на следующий день.

– Расскажите своими словами, Александр Александрович, – потер воспаленные от недосыпа глаза самодержец, – а я послушаю и похожу, разомну ноги...

– Пятнадцатого марта, почти сразу же после взрыва «Александров» на рейде Константинополя, посольство получает телеграмму о том, что среди прочего лимит средств на закупку дров составляет тридцать один фунт. И почти сразу же мистер Скотт испрашивает аудиенцию

¹⁵ Lieutenant commander соответствует армейскому майору или современному капитану третьего ранга. John Baptiste Bernadou, кроме прочего, мастер технологического шпионажа: именно ему приписывается кража рецепта пироколодия – бездымного пороха Менделеева.

на шестнадцать ноль-ноль следующего дня, на коей заявляет о крайней озабоченности Британской империи относительно даже не возможной, а вероятной причастности российских подданных к этому злодеянию. Пятнадцать плюс шестнадцать – как раз тридцать один.

– А когда посол получил телеграмму с описанием инцидента? С подробностями?

– Спустя три часа. Телеграмма была зашифрованной, дешифровка заняла у нас восемь суток и... Государь, в ноте посла было несколько деталей, не вошедших в ту телеграмму.

– Ну, это неудивительно. Такие инциденты готовятся долго, тщательно и более подробное описание вполне могло быть доставлено дипломатической почтой. Вернее всего, и сама телеграмма писалась в расчете на то, что когда-нибудь мы ее расшифруем, и тогда она объяснит, откуда послу стало известно об этом инциденте. Хотя для доказательства сговора этого, конечно, недостаточно.

– Далее... Двадцать восьмого марта посольство получает телеграмму, что лимит расходов на уголь – уже не на дрова, а на уголь! – составляет пятьдесят фунтов...

– И мистер Скотт спрашивает аудиенцию на завтра, на двадцать два часа субботы. Причем в японском и турецком посольствах тоже замечены некие признаки возбуждения. Двадцать два плюс двадцать восемь... Во Владивостоке в это время пять утра...

– А в Персидском заливе – двадцать два тридцать. И вся ночь для минных атак впереди. И третья телеграмма: «Лимит на закупку угля признан ошибочным, ожидайте следующего циркуляра». После чего господин посол, извинившись, отменяет аудиенцию, ссылаясь на благополучное разрешение некоего недоразумения.

– Хм. Да, тут они ошиблись. Вы ведь именно поэтому обратили внимание на дрова и уголь?

– Именно так, ваше императорское величество. Это действительно ошибка. Все когда-нибудь ошибаются.

– То есть если они не осознали последствия этой ошибки (а в суматохе вполне могли этого и не сделать – просто недооценить нас), нам, точнее, послу Скотту, нужно ждать следующей телеграммы?

– Полагаю, да, государь. Вероятно уже в эту пятницу, четвертого апреля.

– Что-то вроде «Скорректированный лимит расходов на уголь составляет... двадцать шесть фунтов»?

– Вроде того, государь.

– Интересно, – задумался император. – А не могут ли на телеграфе немного... перепутать? Только вот в какую сторону? Если господин посол испросит аудиенцию слишком рано, когда группировки противника еще не будут готовы, мы с чистой совестью сможем нанести превентивный удар... Хотя нет. Боюсь, подготовка нашей армии и особенно флота пока не та... К тому же нас все равно обвинят в нападении, поспеши посол хоть на неделю, хоть на год. Хм, с другой стороны, если мистер Скотт несколько запоздает, скоординированное нападение британцев и японцев де-факто произойдет до объявления войны... Ваше мнение, господин ротмистр?

– Я бы увеличил посольский лимит, государь. На один фунт. Этого будет вполне достаточно. К тому же вряд ли они сменят шифр. Если посол получит дополнительные инструкции, ошибка в них тоже вполне возможна. И если мне будет позволено...

– Вам будет позволено, Александр Александрович. В случае, когда это необходимо для защиты страны, вы можете даже использовать чернильницу посла в качестве ночного горшка, как бы грубо это ни звучало и ни выглядело.

– В этом пока нет необходимости, государь. – Ротмистр улыбнулся, но тут же посерьезнел и уточнил: – Пока нет. Дело в том, государь, что прямого кабеля между Петербургом и Лондоном не проложено. Телеграммы в британское посольство поступают либо через Швецию и Финляндию, либо же через Германию.

– Вот как?

– Именно так, государь. И если финский кабель будет поврежден, к примеру, людьми господина Цилиакуса...

– То... Вы хотите сказать, что ошибку в телеграмме могут допустить немцы? Вы действительно в состоянии... организовать это?

– Мы много работали, ваше императорское величество.

– Я заметил. И я ценю это. Все Отечество ценит. Хотя, – император усмехнулся, – оно и не в курсе иных... деталей. И не будет в курсе еще минимум сто лет. Действуйте, ротмистр. Пусть господам британцам будет немного теплее, даже немного жарче. Если все получится, советую найти хорошего портного. И вам лично, и непосредственным исполнителям.

– Мы подождем результата наших усилий, государь.

Историческая справка

Александр Александрович Шершов – один из основателей русской контрразведки. С крайне ограниченными ресурсами противостоял японской разведке во время Русско-японской войны.

5 апреля 1902 года. Нью-Йорк

Отвлекаться на посторонние дела на рабочем месте неправильно. Иногда хочется плюнуть на правила, особенно весной, когда только что вернулась из путешествия в Уругвай, не оправилась от полученных телесных ран и душевных потрясений и еще не вошла в привычный рабочий ритм. Однако эти обстоятельства не были определяющими для аккуратной и строгой начальницы почтовой службы Pacific Express. Приехав в офис после встречи со своим боссом Терезой Леб, она засела в своем «аквариуме» и уже час занималась явно не служебными делами.

Со стороны казалось, что молодая женщина увлеченно читает книгу графа Толстого «Воскресение», проговаривая вполголоса текст и пометая для себя самое интересное на полях и бумажке. Но это только на первый взгляд. На самом деле шеф Pacific Express, известная нам как русская подданная Мария Александровна, торопилась передать в Россию информацию, обжигающую руки, как печеная картофелина.

Когда спешишь, выходит еще медленнее. Поэтому, испортив две шифровки, Маша, закусив губу, старательно пересчитывала строчки и параграфы в своем шифроблокноте, перенося на клочок бумаги цифры с закодированным текстом.

Графу Канкрину! Срочно! Особо важно! В течение ближайших суток в Берлине состоится покушение на капитана гессенской драгунской гвардии, внука королевы Виктории Альберта Шлезвиг-Гольштейнского. Исполнитель – кто-то из русских подданных, студентов берлинского университета. Публично демонстративно будет заявлено, что теракт – месть социалистов-революционеров за унижение и порабощение Китая объединенными войсками европейских держав. Реальная цель – окончательно и бесповоротно посорить Россию с Англией и, если получится, с Германией...

* * *

– Не представляю, зачем нужны эти игры с русскими. – Джейкоб Шифф раздраженно бросил на стол перчатки и отвернулся к окну, меланхолично разглядывая великолепный пейзаж за окном фамильного поместья Рокфеллеров Кукуит. – Романовых нужно давить, как кло-

пов, а не разыгрывать с ними шахматные этюды¹⁶. Все пытаются извлечь какую-то выгоду из этой дикой северной страны, а ведь польза может заключаться только в том, чтобы она перестала существовать. Сначала этот бедняга Ротшильд, спятивший со своими фантазиями о Сионе и схватившийся за предложение царя переселить в Палестину всех желающих. Теперь вы с абсолютно бессмысленной игрой в поддавки с русской охранкой, в надежде извлечь из этого какие-то дивиденды. Откуда такая наивность?

– Твоя проблема, Джейкоб, упертость. – Фрэнк Вандерлип, вице-президент одного из крупнейших банков САСШ National City Bank of New York, глубокомысленно выпустил в потолок сигарный дым. – Она хороша, когда ты зарабатываешь деньги, но никуда не годится, если дело касается политики. Ты увлеченно бодаешься с дубом русской империи, не замечая, что находишься в лесу, среди других таких же деревьев. Твои вложения в Японию, желающую убиться о русского медведя, заслуживают похвалы за смелость. Но позволь поинтересоваться: какие конкретно выгоды получит все наше сообщество от военной победы Страны восходящего солнца и даже от крушения Российской империи в целом? Какие глобальные, а не сиюминутные проблемы мы решим, когда ты всласть потетишь свое болезненное самолюбие?

– А ты предполагаешь, что, помогая царю, можно решить какие-то глобальные проблемы? – фыркнул Шифф.

– Вопрос неправильный. – Вандерлип покачал головой, аккуратно положил сигару на край фарфоровой пепельницы, встал и подошел к окну, в которое уставился Джейкоб. – Ты воспринимаешь русского царя и Россию как самостоятельное зло, а это не так. Они – часть системы, которая душит свободу движения капиталов, товаров и рабочей силы. Империи, возникшие как прогрессивное явление, позволившие когда-то концентрировать ресурсы, строить промышленные и аграрные гиганты, превратились в тормоз свободного рынка и должны быть разрушены. Все до единой! Надеюсь, в этом у нас нет разногласий?

Вице-президент National City Bank of New York обвел глазами собравшихся, как строгий учитель разглядывает учеников перед проверкой домашнего задания. Пол Мориц Варбург, Джон Рокфеллер и самый младший участник собрания эmissар JP Morgan Бенджамин Стронг-младший коротко кивнули, ожидая продолжения речи. Шифф, понимая, что остался в меньшинстве, еще больше насупился и втянул голову в плечи, как бы защищаясь от неудобных сентенций.

– Ну так вот, – продолжил Вандерлип, возвратившись на свое место и с наслаждением повторив ритуальные манипуляции с сигарой, – если долго биться головой об стенку, то что-нибудь обязательно разобьется. Зная крепость лба Джейкоба, предположу, что первой сломается Россия. Но тогда за счет русских резко усилятся Британия, Германия и новый крупный игрок – Япония. И что прикажете делать дальше? Разбивать голову о следующее дерево? Но тогда оставшиеся империи станут еще сильнее. И в конце концов не только возможностей Kuhn, Loeb & Co., но и наших объединенных ресурсов не хватит, чтобы бороться с монстром, выращенным в том числе и нашими усилиями. Молчите, Джейкоб?

И правильно делаете! Потому что любой ход в такой ситуации ведет к поражению...

– Хорошо, будем считать, что вы меня достаточно пристыдили и самое время поменяться ролями, – ухмыльнулся Шифф. – Пожалуйста, изложите ваш гениальный план, а я позволю себе язвить и искать огрехи в вашей стратегии.

¹⁶ Джейкоб Шифф – самый яростный русофоб среди всех банкиров начала XX века. Финансировал все и всех, кто мог хоть как-то навредить России. Наоми Коэн (англ. Naomi Wiener Cohen), биограф Джейкоба, называла отношение Шиффа к России своего рода «личной войной, которая с годами усиливалась и превращалась во всепоглощающую страсть». Шифф призывал своих коллег к бойкоту российских займов. Помимо прочего, он составил завещание, запрещающее его банкирскому дому кредитовать «антисемитскую Россию» даже после его смерти. За свою поддержку Японии во время Русско-японской войны (110 млн долларов) был награжден японским орденом Священного сокровища и орденом Восходящего солнца. Выступал против сионизма, считая эту идею утопичной.

– Ты зря так кипятишься, Джейкоб, – подал голос Рокфеллер, – в любом плане могут быть огрехи, и наша задача – искать не только проблемы, но и их решение. Фрэнк ясно указал на недостаток твоей стратегии: сосредоточившись на противостоянии с Россией как на самом слабом звене среди европейских держав, мы невольно усиливаем остальные, и в первую очередь Британию. Хотя я бы и с Германией не спускал глаз. Нам действительно не хватит ресурсов валить каждую из монархий по отдельности. Поэтому мы пойдем другим путем – создадим все условия, чтобы империи уничтожали себя сами...

– Эти взрослые мальчишки так страстно желают расквасить друг другу носы, – вернул себе слово Вандерлип, – что мы просто обязаны помочь им сделать это как можно более качественно. Поэтому наша стратегия – помогать слабейшему, чтобы он как можно сильнее лупил сильнейшего. Если будет побеждать один, мы будем помогать второму, если верх начнет одерживать второй, мы поможем первому, и пусть они убивают как можно дольше... Сейчас слабейшим выглядит русский царь, и мы с удовольствием поможем ему выравнивать шансы в схватке с британским львом и его японским пуделем.

– Важно, чтобы они внезапно не передумали. Поэтому, – Рокфеллер кивнул флегматичному Варбургу, – наш дорогой Пол поможет осуществить мечту одного русского юноши уничтожить кого-нибудь из сатрапов, например, внука королевы Виктории.

– Причем этот юноша уверен, – Варбург улыбнулся одними уголками губ и наклонил лысеющую голову, – что действует чуть ли не по прямому распоряжению петербургской тайной организации.

– Скажите, Фрэнки, – вышел из глухой защиты Шифф, – а насколько эта стратегия совпадает с пожеланиями Белого дома и Капитолия?

– Целиком и полностью, мой друг! – самодовольно улыбнулся Вандерлип. – Скажу больше! Я специально для этого поменял пост помощника министра финансов на кресло банкира. Официальный Вашингтон не хотел бы быть связанным какой-то... неавторизованной активностью, но поддерживает и одобряет озвученную мною концепцию.

– Но одновременное столкновение лбами монархий – это мировая война!

– Год назад один русский писатель опубликовал замечательную прозу в стихах, закончив словами «Пусть сильнее грянет буря!». Весь мир чувствует затхлость нынешнего существования и мечтает об очистительном огне, который сожжет без остатка никуда не годное старье и освободит место для нового и прогрессивного, – задорно, как с трибуны, возвестил самый молодой участник встречи Бенджамин Стронг-младший.

– Это, прежде всего, мировое перераспределение финансовых и товарных потоков, а для нашего правительства – единственный способ, оставаясь за скобками конфликта, превратиться из страны-должника в страну-кредитора, – улыбнулся Вандерлип. – Главный вопрос, настоятельно требующий решения, находится вообще вне устаревших моральных норм и нравственных оценок. Как известно еще со времен Наполеона, для войны нужны три условия – деньги, деньги и еще раз деньги. И наша самая насущная задача – найти эти деньги, чтобы было чем топить разгорающийся костер. Однако, господа, предлагаю разговор на эту тему перенести на другое время и в другое место, ибо даже стены могут иметь уши.

– Если вы так боитесь огласки, – Шифф явно хотел оставить последнее слово за собой, – то вообще непонятно, зачем вам тогда эта девчонка Мари, работающая на русское военное ведомство? Если вы ее вычислили, не проще ли просто обезвредить?

– Джейк, ты все-таки неисправим, – теперь уже в голос расхохотался Рокфеллер. – Если тебе не дают убить русского царя, ты пытаешься утешиться, отправив на тот свет хотя бы его служанку? Раскрытый агент автоматически, даже не подозревая того, начинает работать не на, а против своего сюзерена. Главное, чтобы на том конце верили всему, что он сообщает... Мы так или иначе хотели организовать прямой канал поставки информации в русские коридоры власти. И тут такая удача! Нельзя резать курицу, пока она не снесла яйцо!

– Именно поэтому мы допустили утечку информации о покушении на Альберта Гольштейнского. Предотвратить его они уже не успеют, но доверие к ее сообщениям будет абсолютным, – добавил Варбург.

– Я надеюсь, господа, вы знаете, что делаете, – прокричал Шифф. – Когда и где мы сможем обсудить вопрос финансирования... э-э-э... пикника с участием мировых монархий?

– Место и время я сообщу отдельно, – кивнул Вандерлип. – Мистер Стронг предлагает отдохнуть и набраться сил вдали от суеты, на частном курорте, принадлежащем мистеру Моргану, – на острове Джекилл, что неподалеку от побережья Джорджии...

7 апреля 1902 года. Лондон

Эдуард VII, монарх империи, над которой не заходит солнце, меланхолично разглядывал карикатуру в американском еженедельнике Puck, вполуха слушая доклад уже немолодого и, что гораздо хуже, серьезно больного премьер-министра. Юмористический журнал из Сент-Луиса славился своей нелюбовью к России и регулярно публиковал убойные карикатуры на «эту дикую северную страну».

Художники не подкачали и в этот раз, выложив сразу несколько едких антирусских памфлетов. Но рядом с ними король вдруг обнаружил себя, толстого и беспомощного, никак не похожего на льва, чей образ традиционно ассоциировался с британским владычеством. И вот теперь карикатуру, намекающую на английскую немощь, так живописно дополняет страдающий одышкой и артритом космато-бородатый старик, больше нуждающийся в инвалидной коляске, нежели в кресле премьер-министра Великобритании. Тьфу!

Эдуард VII с грустью посмотрел на журнал, сердито перевернул его обложкой вниз и, сцепив на животе пальцы, уперся глазами в политического долгожителя, занимающего высшую исполнительную должность империи в третий и наверняка последний раз.

Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери, пытаясь сделать политическую жизнь в метрополии плановой и управляемой, сосредоточил в своих руках как законодательные, так и исполнительные властные нити, являясь и премьером, и лидером консервативной партии. Одновременно с высшим исполнительным, он предпочел оставить за собой пост министра иностранных дел, и только ухудшающееся здоровье заставило Солсбери в 1900 году уступить его лорду Лансдауну.

Всю свою жизнь сэр Роберт продвигал имперские интересы викторианской Англии по всему миру и делал это настолько искусно, что за эти годы в Европе не произошло ни одного серьезного международного конфликта. Неоднократные столкновения с Францией, Германией, Россией так и не вылились при Солсбери в вооруженное противостояние... Пока. Потому что последний год кабинет министров Британии не создавал обстоятельства непреодолимой силы для других мировых держав, а сам судорожно пытался реагировать на ускоряющийся поток событий, становящихся все более опасными и менее управляемыми.

– Говорите проще, Роберт, – прервал король длинный спич своего премьера. – Ответственность не поймет, если мы начнем какие-либо переговоры с Петербургом, кроме как о безоговорочной капитуляции русских. Так?

– Так, ваше величество, – выдохнул Солсбери. – Консультации с ведущими политическими и общественными организациями не радуют разнообразием, общественность уверена, что против нашей страны уже ведутся военные действия, и ждет решительных ответных шагов. Газеты так оформили и подали последние новости, что не оставили нам никакого пространства для политического маневра.

– И если я попытаюсь как-то договориться с моим племянником Никки, меня заклеят позором, – продолжил мысль премьер король.

– В Трансваале работает военный корреспондент, некто Черчилль, так вот он написал: «Если страна, выбирая между войной и позором, выбирает позор, она получает и войну, и позор...»

– Неплохо сказано, – кивнул король. – Присмотритесь к этому корреспонденту, из него определенно может выйти толк...

Эдуард VII поморщился, тяжело поднялся, опершись о ручку кресла, медленно, привлекая ногу, подошел к высокому окну и задумчиво посмотрел на Кенсингтонский парк с широким, в три кареты променадом.

– Вы же знаете, Роберт, как я ненавижу идти туда, куда меня подталкивают, – произнес он настолько тихо, что Солсбери больше догадался, чем услышал слова короля.

– Ваше величество, адмиралтейство предлагает ограничиться показательной поркой вашего нерадивого племянника, быстро и безжалостно разгромив одновременно русский флот на Балтике, Черном и Персидском морях... Тихий океан мы оставляем пока японцам. Первый морской лорд уверен, что этого будет достаточно, чтобы Николай II запросил пощады...

– Мне кажется, Роберт, вы забываете, что моему племяннику только тридцать три, а его премьеру Столыпину – всего сорок. В этом возрасте не очень-то слушаешь старших, даже если они правы и демонстрируют убийственные в своей доходчивости аргументы... Что мы будем делать, если акций устрашения на море окажется недостаточно?

– Разрешите, ваше величество? – поднялся из своего кресла министр иностранных дел, самый молодой из присутствующих, статный, стройный мужчина. Вся его растительность сползла с макушки и сконцентрировалась над верхней губой в виде шикарных усов, вследствие чего все остальные черты лица казались абсолютно несущественными.

Глава Форин Офис Генри Чарльз Кит Петти-Фицморис, 5-й маркиз Лансдаун, с 1900 года возглавлял внешнюю политику Великобритании и фракцию Либеральной юнионистской партии в палате лордов. Он знал не понаслышке колониальные проблемы: до МИД служил на посту вице-короля Индии. Весь 1901 год Лансдаун предпринимал шаги к заключению направленного против России союза с Германией и Австрией, с оптимизмом расценивая дружеский визит кайзера Вильгельма к больной королеве Виктории, а также настойчиво добивался любви Франции, романтично назвав проект договора с республикой «Entente cordiale» – «Сердечное согласие». Но главным и самым ярким успехом министра стал англо-японский союз, заключенный 30 января 1902 года, несмотря на то, что русский царь на переговорах с маркизом Ито подписал все предложенные Японией соглашения, включая отказ от претензий на Корею.

– Ваше величество! – Лансдаун широким жестом открыл кожаную папку и вынул заранее заготовленный конспект. – Позвольте обратить ваше внимание на то, что наш договор с микадо прямо и недвусмысленно указывает: Великобритания и Япония соединяются в целях охраны существующего положения на Дальнем Востоке, в особенности в целях охраны независимости и территориальной целостности Китайской и Корейской империй.

Далее в статье первой: «Высокие договаривающиеся стороны объявляют, что не имеют агрессивных стремлений в этих империях. Имея, однако, в виду свои специальные интересы в Китае и Корее... стороны признают, что каждая из них имеет право принимать меры для охраны этих интересов в случае, если им будет угрожать опасность от агрессивных действий какой-либо третьей державы или от внутренних волнений...»

Вторая статья объявляет, что если Англия или Япония, преследуя вышеуказанные цели, будут вовлечены в войну с какой-либо третьей державой, то другая из договаривающихся сторон обязуется сохранять строжайший нейтралитет; но (статья третья) если война осложнится и державу, ведущую войну с Англией или Японией, поддержит еще какая-либо четвертая

держава, то другая из договаривающихся сторон обязывается прийти на помощь союзнику и «вести войну сообща и заключать мир с общего согласия»¹⁷.

– Ну и что это нам дает? – пожал плечами король. – Какая четвертая сторона начнет военные действия против нас? Германия? Франция?

– Прежде всего, это дает нам оправдание присутствия наших войск на всей территории Китая, включая Маньчжурию, совместные операции с японским Генштабом и моментальное включение в боевые действия любой из союзных армий, если будет выявлена угроза хотя бы одной из них. Что же касается четвертой стороны... Мы провели соответствующую работу, ваше величество, и я могу вас уведомить, что в случае любого военного столкновения государству, противостоящему России, немедленно объявит войну Черногория. Таким образом, мы получим формальный повод задействовать третью статью нашего договора с микадо.

– Как в конечном итоге будет выглядеть наша позиция?

– С точки зрения международных отношений – безупречно. К нам с просьбой о помощи обратился Китай, и мы оказываем содействие его вооруженным силам в подавлении мятежа и вытеснении русских интервентов. При выполнении этой благородной миссии наши солдаты подверглись агрессии со стороны царских войск, а далеко за пределами Китая против нас, без объявления войны, русскими подданными развязан гнусный террор, в результате чего потоплен наш военный корабль и тяжело ранен член королевской семьи – ваш племянник.

– Только ранен?

– Да, террорист оказался крайне бестолковым стрелком: из шести выпущенных в упор пуль в сэра Альберта попали только две, и хотя задето легкое...

– Хорошо, продолжайте. Безусловно, зло должно быть наказано. Но как будет выглядеть противостояние на суше?

– Сегодня, пока русские еще не развернули свои экспедиционные корпуса для похода на Индию, против двадцатитысячного русского контингента, находящегося в Маньчжурии, мы можем сконцентрировать наш собственный сорокатысячный корпус, состоящий в основном из колониальных войск Индии. Две китайские дивизии, правда, сомнительной боевой ценности, представляет Юань Шикай. Но основным военным материалом будут две японские армии, в одной из которых сорок, а в другой – шестьдесят тысяч солдат и офицеров, прекрасно обученных, знающих театр военных действий, имеющих опыт Японо-китайской войны. Таким образом, с семикратным перевесом мы вправе рассчитывать на успех, тем более что для русского царя непосредственную угрозу будут представлять отнюдь не наши или японские вооруженные силы.

Эдуард VII приподнял бровь и вопросительно посмотрел на министра.

– Бурная реформаторская деятельность русского императора, – увлеченно продолжал Лансдаун, – привела к тому, что еще одна невидимая армия сформирована прямо у него под боком. Недовольные репрессиями и лишением привилегий дворяне, купцы и даже некоторая часть крестьянства, не говоря уже про интеллигенцию, традиционно настроенную оппозиционно, – все они, пользуясь некоторыми политическими послаблениями, активно сбиваются в политические антиправительственные организации, имеющие в своих рядах настоящую подпольную армию.

Глава Форин Офис скосил глаза в шпаргалку и продолжил:

– Это не менее пяти тысяч недавно уволенных офицеров. По сигналу они готовы поднять бунт на Урале, в Сибири и полностью отрезать Петербург от Владивостока. Таким образом, при отсутствии подкреплений, которые царь мог бы перебросить из европейской части России, разгром русской армии в Маньчжурии будет лишь вопросом времени...

¹⁷ Приводится оригинальный текст японо-британского соглашения от 30 января 1902 года.

– Хорошо, Генри, будем считать, что вы меня убедили в бедственном положении моего непутевого племянника. Но я руки не подниму, пока не пойму, как будут вести себя Франция с Германией.

– О, – самодовольно улыбнулся Лансдаун, – в Европе мы разыгрываем самую незамысловатую партию в две руки. Франции, опасавшейся Германии, мы предлагаем заключить договор о взаимопомощи, который...

– Да-да, я помню, Антанта... Но почему вы так уверены, что они подпишут этот договор?

– Благодаря нам Парижу стало известно о проектируемой в Берлине войне Германии против Франции – так называемом плане Шлиффена... Пока он существует только в черновиках, но Франция уже сама торопит нас с подписанием соглашения.

– Только не говорите, Генри, что точно такой же договор вы хотите заключить с Вильгельмом...

– Нет, ваше величество, я предлагаю неформально и конфиденциально довести до кайзера, что Британия не будет иметь ничего против его территориальных приобретений на востоке, ну хотя бы в Прибалтике, густо заселенной немецкими колонистами... Что касается Франции, то требуется во всеуслышание заявить о недопустимости любого движения Германии на запад. А потом также конфиденциально и неформально намекнуть Берлину, что наше негодование не будет для него излишне обременительным...

– Хорошо, Генри, пусть будет по-вашему. Подготовьте соответствующий манифест. А вы, Роберт, передайте Китченеру, что у нас нет времени и желания вести затяжные кампании. К осени все должно быть закончено!

10 апреля 1902 года. Желтое море. Учебная эскадра Израиля

Крейсер «Африка», построенный как рейсовый пароход, успевший поработать на линии Нью-Йорк – Гавана, никогда не претендовал на роль грозы морей, даже переоборудованный на верфях Крампа и вооруженный пятью 20-калиберными шестидюймовками и шестью такими же древними противоминными 107-миллиметровыми пушками. Одинокая труба, задранный полубак и весьма скромная, всего двенадцать узлов скорость выдавали его глубоко штатскую сущность. Но зато как учебная база корабль был незаменим благодаря просторным вспомогательным помещениям и вместительным трюмам.

Именно поэтому «Африка» была выбрана в качестве базового судна для обучения израильских гардемарин. После утомительного учебного дня их миноноски притулились к «мамаше» и, притираясь на волне к высоким бортам базового судна, дружно скрипели, жалуюсь на свою миноносную судьбу.

Командно-преподавательский состав крейсера, обычно придиричивый и строгий, под вечер позволял себе расслабиться и неформально побалагурить, тем более что большинство из них были уроженцами одного южного города, о котором по всей России ходят легенды, полные неимоверной доброты и оптимизма. Сегодня, оторванные от своего привычного занятия файф-о-клок, они с тревогой вглядывались в ту сторону, где находилась Порт-Артурская крепость.

– Поднимитесь к дальномеру, поглядите, кто там бежит, Яков Самуилович.

– А смысл? Кгоме «Бугакова» там таки никто не сможет так бежать, Алексей Дмитриевич. На полных тгидцати идет, тогопится, шо моя Циля на Пгивоз за бичками, ну и шоб увидеться со мною. Пгавда, она так бегала тгидцать лет назад, а сейчас она гогдо шествует, но я-то помню...

– Лейтенант, сигнал на миноноscopy. Подойти к бортам, принять уголь.

– Господин капитан, «Бураков» передает: в крепости бунт. Генерал Стессель приказал гарнизону не сопротивляться и спустил флаг! Новый комендант обратился за помощью к японцам и англичанам, их войска уже высаживаются в Порт-Артуре!

– Нариш тухес.

– Вынужден согласиться, Яков Самуилович. Объявляйте общий аврал. Всех незанятых – грузить уголь в мешки и передавать на миноносцы. Шлюпки вывесить после отхода миноносцев. Корабль – к бою! Кочегаров – к топкам, поднимать пары до марки. Комендоров – к орудиям, кранцы первых выстрелов поднять, минные аппараты зарядить. Пожарные магистрали – в готовность, разнести шланги.

– Слушаюсь, господин капитан втого ганга! Боцман, кочагаов к топкам, остальных – навегх! Бистго, янгеле, бистго!

– Запросите «Бураков» об остатке угля: возможно, его придется загружать первым.

– «Бураков» с полными ямами, торпед не имеет: вклепил единственную, что была, в японский транспорт. Тот сел на грунт. Запрашивает о наличии у нас пятнадцатидюймовых.

– У нас только немецкие были, да и те отстреляли на учениях. Кто у японцев в Артуре?

– Корнильев семафорит о четырех крейсерах: «Чиода», «Мацусима», «Ицукусима», «Хасидатэ». Шесть миноносцев: четыре «Хаябусы» и «Котака» с «Сиратакой». «Сиратака», уворачиваясь от тарана «Буракова», сел на мель.

– Так... Это, видимо, их минари на горизонте и дымят. Идут они на двадцати четырех, вряд ли больше, и догонят нас через минут сорок. Все! Этим двоим хватит. Прикажите им уступить место «Навину» и «Давиду», пусть примут, сколько успеют. Яков Самуилович, перейдете на «Давида»...

– Осмелюсь-таки спгосить, почему и зачем, господин капитан втого ганга?

– Потому что ваше досье, с которым меня ознакомили господа жандармы, занимает не одну папку, а три, и каждая с кирпич толщиной, и на всех страницах – описания удивительных по своей лихости и наглости способов ухода от погони на суше и море.

– Однако!..

– Полагаю, вы лично оплатили не меньше половины миноносца со своей контрабанды...

– Да ой же вэй, господин капитан, какая у бедного иегуди-гыбака контгабанда?! Но то, шо год назад я сделал небольшой пгезент господину Ногману, шобы он согласился считать четьге уже заложенных кия не узкоглазыми, а немножечко пейсатыми, таки совегшеннейшая пгавда!

– Весьма разнообразная контрабанда, господин прапорщик по адмиралтейству. Я аж зачитывался. Так вот. Чтобы довести молодежь до Циндао...

– До Циндао, господин капитан? Таки шо мы можем такого натогговать в Циндао, чего нам так остго не хватает в жизни, кгоме угля и тогпед? Но уголь и тогпеды мой племянник Додик, котогый живет в этой дыге с пгошлого, извините, года, уже немножечко купил, и уже даже немножечко поггузил на пагоход, котогый уже давно стоит в Пусане, где тепло и пока нет японцев! Так зачем нам Циндао? Шобы пага японских или даже, на минуточку, английских кгейсегов нас там зажали, как я зажал свою Цилечку, когда она была на тгидцать лет моложе и весила вдвое меньше? Нет, немцы, конечно, культутная нация, но в сей момент в Циндао нет такого гешефта, котогый стоит необходимости до конца войны смоттеть на эти постные гожи!

Еще уголь? Таки еще уголь лучше бгать у самих японцев: вгяд ли их тгампы успели поггяться. И даже совегшенно наобогот, сейчас они навегняка везут в Когею очень много всякого, шо может опгавдять хогоший гоп-стоп! А их утюги сейчас либо, пгостите, здесь, либо во Владивостоке, так шо этот гоп-стоп будет еще и дешевле!

– Давайте, господин прапорщик. Вам пора. Вестовой ваш сундучок уже доставил. Корабельную кассу тоже возьмите, под подпись.

– Андгей Дмитгиевич. Я, конечно, дико извинюсь, но могу я еще спгосить? – Старый еврей отложил ручку-самописку и поднял взгляд на командира.

– Почему нет?

– Ой вэй, я все вгемя забываю, шо хоть ви и из кантонистов, но все же таки тоже да! Могу я сказать своим янгеле, когда мы отойдем, что ви, пегед тем как вас гаскатают до состояния

мацы... Ми, конечно, помолимся, шоб этого не случилось, но какая уж тут гагантия... Так вот, смогу ли я объявить, шо ви взяли и пегеименовали, пгостите, «Афгику» в «Масаду»?

– Разве ж я смогу вам это запретить? Все! На «Давид», прапорщик. Пока идем вместе, чтобы нам из своих музейных экспонатов выбить столько минарей, сколько сможем... А как подтянутся крейсера... Ход у них узла на четыре больше нашего, так что... «Масада» так «Масада». Но в рапорт этого не включать!

– Мальчикам нужны легенды, господин капитан, а начальству они пготивопоказаны. И господам адмигалам все сообщим в точности. А чего не в точности, того, наобогот, не сообщим. Мазлтов, 'ав-Алуф.

– Мазлтов, Тааль.

В это же время. Персидский залив

Бесчисленные поэты, воспевавшие тишину персидских ночей и волшебство, иногда коварное и опасное, на сей раз были бы посрамлены. Ночь, разрезаемая длинными мечами русских прожекторов и вспышками осветительных ракет¹⁸, разрывалась гулкими залпами противоминного и среднего калибра, сминалась взрывами торпед и якорных мин.

– Три больших истребителя, правее пятнадцать, дистанция десять!

Короткие рыла сорокадвухлинейных орудий, снятых с канонерок за явной устарелостью и установленных на спешно возведенной береговой батарее, довернулись, нащупывая цель.

– По головному! Скорость цели двадцать пять! Упреждение один корпус! Огонь!

Орудия ухнули, из распахнутых настежь затворов по позиции растекся кисло-сладкий запах сгоревшего пороха. Наводчики прицелились, пытаясь разглядеть цели за клубами порохового дыма. Если бы подул легкий ветерок... Но душная ночь была не на стороне артиллеристов: жаркий воздух был неподвижен.

– Недолет полкабельтова! Дистанция восемь! Упреждение три четверти...

Дымная тьма озарилась вспышками: истребители огрызались из своих шести- и двенадцатифунтовых, пока, слава богу, безуспешно.

– Вижу! Вижу!

Наконец дым рассеялся достаточно, чтобы стали видны скользящие по гладкой воде тени с пенными бурунами от полного хода.

– Огонь!

– Накрытие! Дистанция семь! – продолжал командовать мичман, прильнувший к короткому дальномеру с базой всего четыре фута. Корректировочный пост был вынесен на сложенный из камней искусственный курган, и дым не мешал ему наблюдать за выходящими в атаку минными силами британцев. – Упреждение прежнее – три четверти!

Дым по-прежнему сильно затруднял наводчикам обнаружение кораблей противника. Заряженные, готовые к выстрелу орудия молчали.

Внезапно ночь озарилась еще одной вспышкой.

– Наводить по второму! – среагировал мичман.

– Шестидюймовым в головного влепили, – пробурчал наводчик третьего орудия. – С «География», мыслю. – И через секунду уже другим голосом, полным злого азарта: – Вижу цель!

– Огонь!

Третий залп был удачен: один из выпущенных батареей снарядов разорвался рядом с рубкой ставшего головным второго миноносца, и британец вильнул на курсе. Мичман увидел, как кто-то из прислуги шестифунтовых, судя по всему, артиллерийский офицер, рванулся к рубке, чтобы перехватить управление.

– Орудия готовы!

¹⁸ Пудовые осветительные ракеты в начале XX века выпускались в Николаеве.

- Дистанция семь! Упреждение прежнее!
- Вижу!
- Огонь...

Двенадцатифунтовая шрапнель лопнула над позициями, и мичман стек на камни рядом с дальномером, испачкав его кровью.

– Дистанция семь! Скорость двадцать... один! Упреждение полкорпуса! – подоспел состоявший при наблюдательном посту телефонист-вольноопределяющийся.

Он был из бывших семинаристов, сухорукий и спокойный, по слухам – политический. Одно время работал в Тифлисской обсерватории и с оптическими приборами был знаком не понаслышке, поэтому движения его были уверенны и только резко усилившийся грузинский акцент выдавал нешуточное волнение.

- Вижу!
- Огонь!

Пушки снова выстрелили.

– Есть попадание! Парит, выходит в циркуляцию! Наводить по второму. Отставить! По третьему!

– Почему? – поднял глаза на невозмутимого кавказца наводчик.

– Он уже пустил мины, преждевременно, до прохода бонов, не опасен. А вот за ними – не пойму что... Одиночная цель правее двадцать.

Стоявшая неподалеку труба осветительного поста без приказа плюнула ракетой, телефонист приник к окулярам.

– Похоже на кита... с одной трубой. Дистанция одиннадцать, скорость... шестнадцать, упреждение полкорпуса!

* * *

Миноносный таран «Полифемус», чудо британской инженерной мысли, пользовался незаслуженной славой. Он ни разу не участвовал в бою: сразу после его постройки войны не случилось, а потом орудия среднего калибра стали слишком скорострельными и слишком быстро наводящимися на цель, чтобы его восемнадцатизловая скорость и почти полностью погруженный в воду корпус оставались надежной защитой. Поэтому выйти, как и задумывалось, в таранную атаку стало делом не просто опасным, но фактически самоубийственным.

Тем не менее этот корабль был одним из самых знаменитых во флоте ее, а следом его величества. Именно «Полифемус» описал всемирно известный сочинитель мистер Уэллс в романе «Война миров» под именем «Сына грома», уничтожившего марсианский треножник.

Неизвестно, испытывал ли неудобство по этому поводу сам корабль. Вполне возможно... Но его командир, самый молодой капитан Королевского флота Дэвид Битти, отчаянный храбрец, был уверен, что во-первых, это действительно весьма неловкая ситуация, а во вторых – через несколько минут он эту несправедливость исправит.

– Все вниз, быстро! – приказал он. – Сейчас нас засыплет снарядами, а наши шестифунтовые и митральезы будут полностью бесполезны! Питер, в рубку!

Сублейтенант, получив приказ, нырнул в дополнительно обложенный мешками с песком стальной стакан и задраил за собой дверь.

– Минные аппараты носовой и правого борта – к бою! – приказал командир. – Пит, тараним третьего: оба головных уже начали движение и подняли сети.

– Впереди боны, сэр. – Сублейтенант старался выглядеть столь же невозмутимым, как и мастер.

– Нас, – усмехнулся капитан, – как раз и создавали для того, чтобы плевать на боны. Машина – полный ход! При гудке сирены – держаться! Кто за что может!

Как и полтора десятка лет назад на испытаниях, боновые заграждения, набранные из бревен, привезенных аж из России, просто разметало по сторонам. Стальное тело почти полностью погруженного в воду корабля только слегка вздрогнуло – сначала от удара, а затем от попадания пары снарядов калибра в три или четыре дюйма, сбивших трубу и искалечивших надстройку, но неспособных остановить атаку.

– Носовой аппарат товсь, – приказал Битти. – Пит, командуйте, когда разрядить аппараты правого борта.

Удары снарядов, в основном трехфунтовых, стали сыпаться на миноносный таран в ритме стального дождя. «Странно, – подумал капитан, – а говорили, что русские сняли эту мелочь с кораблей. Видимо, не всю». Он усмехнулся, когда две или три болванки бессильно высекли искры из стальных листов рубки.

– Аппараты правого борта товсь! – скомандовал в раструб переговорной трубы молодой офицер. – До пуска... пять секунд. Три... Две... Одна... Пли!

– Дистанция четыре кабельтова. Носовой аппарат – пли! Это, конечно, не Кронштадт, куда я всегда мечтал ворваться, но тоже неплохо. Пит, сирену!

Глаза капитана замерли на черном кружке шестидюймового жерла, направленного из каземата русского броненосца прямо ему в лицо. Странно, что он вообще заметил его в этой разрезаемой вспышками света ночи. Впрочем, увидеть свою смерть в такой вот ситуации – вполне приемлемый исход жизни.

Он слегка довернул штурвал и отпустил рукоятки, чтобы его тело в падении не сбilo корабль с курса. Увидел вспышку, но не почувствовал боли, и еще успел ощутить удар, когда выдающийся вперед таран «Полифемуса» вонзился в борт русского броненосца.

И он, и его корабль с честью выполнили свой долг. Теперь все стало правильным.

В ту же ночь. Владивосток

– Нам всем выпала особая честь первыми нанести удар по северным варварам, готовящим коварный удар в спину Священной Ямато!

Командир дивизиона, капитан первого ранга Кота Сакума обращался к команде своего истребителя «Сиракумо», а двое сигнальщиков репетовали его речь на остальные семнадцать миноносцев, стоящих на якоре почти в самом вражьем логове.

Небо на горизонте было чуть тронут светом ранней зари, и вспышки ратьеров превосходно читались всеми – и японскими моряками, и двумя не предусмотренными планом капитана Кота зрителями на темном берегу бухты Табунной. Неофициальный хозяин этих мест, естествоиспытатель, географ и коннозаводчик, бывший ссыльный поляк пан Михал Янковский двадцать последних лет воевал с проникающими на его землю хунхузами и систему оповещения в своем уделе наладил давно.

– Не расшифруете ли, Фридольф Кириллович, – спросил он у спутника, обветренное лицо которого выдавало в нем моряка, правда, не военного, а, скорее, торгового, – о чем они там перемигиваются?

– Белиберда какая-то, Михаил Иванович, – нахмурился моряк. – Совершенно незнакомый код, но это точно не хунхузы. Может быть, наши миноносники ввели в действие секретный код? Истребители, как я могу видеть, на «Соколов» похожи. Хотя...

– Хотя?

– Насколько я могу судить, «Соколов» у нас во Владивостоке всего восемь, а здесь почти два десятка на якорях стоят... Японцы? Но у японских корабликов иероглифы чуть ли не во весь борт нанесены – для опознания. Британцы? Вряд ли, не дойти им до нас от Вэйхайвэя... Темное дело, Михаил Иванович, очень темное... Проектор бы...

– Уж чего нет, того нет. Кто бы знал... Давайте-ка оставим тут казачков понаблюдать, да и подмогу им вышлем. У меня отыщется пара списанных с кораблей трехфунтовок с командой отставных фейерверкеров. Сами же помните.

Фридольф Кириллович, носивший фамилию Гек, тяжело вздохнул. Старая рана на душе вновь заняла. Двадцать с лишком лет назад хунхузы разорили его дом и повесили жену, а малолетний сын моряка пропал без вести, и до сих пор, бывая в корейских и китайских портах, моряк вглядывался в незнакомые европейские лица молодых людей, пытаясь узнать знакомые черты.

– Я, пожалуй, тут останусь, Михаил Иванович, – вздохнул он. – Если они и впрямь десант высаживать будут... Пушки – дело хоть немного, да знакомое. А вы поспешайте, голубей же в усадьбе держите?

– Держу. Хотя когда тот голубь долетит? Ходили слухи, что на пост беспроводный телеграф установят, но когда это будет... Погодите, Фридольф Кириллович, что это там?

* * *

Капитан Кота Сакума оглянулся на серию огоньков – один зеленый и пять красных, – загоревшихся на вершине сопки. Значит, адмирал Иессен действительно вывел свой флагманский крейсер и все пять броненосцев из Золотого Рога. Пора.

– Наша флотилия – тигр, который долго подбирался к своей цели, пряча горящие полосы среди лесных теней! – крикнул он. – Теперь мы атакуем в стремительном и смертоносном прыжке! Божественный микадо ждет от нас подвигов! Передавайте: тигр! Тигр! Тигр!¹⁹

Оглушительное «банзай!» было настолько громким, что наблюдатели на берегу расслышали его и отбросили последние сомнения относительно принадлежности загадочных миноносцев. Но сделать они уже ничего не успевали.

– Дивизиону сниматься с якорей! Следовать строем звеньев! Распределение целей согласно письменным приказам! Мы вместе с «Асасио» и «Акацуки» атакуем флагман!

Загремели цепи, взбурлила вода под кормовыми подзорами, и восемнадцать истребителей, разбившись на тройки, устремились к заранее разведанным подходам в минных полях.

Капитан улыбнулся. Как раз сейчас посланник божественного тэнно, сопровождаемый британским и турецким послами в Петербурге, зачитывает императору северных варваров ноту об объявлении войны. Ну а успеют ли варвары отреагировать на разящий внезапный удар просочившихся прямо под их длинными носами корабликов или нет – их проблемы.

Миноносцы уже набрали двадцатипятиузловой ход, приближаясь к проливу Босфор-Восточный. На берегу мельтешили огоньки – видимо, русские получили информацию о начинающейся войне и теперь лихорадочно готовились к бою. Поздно.

Колонна миноносцев растянулась: поднимался туман, и было бы глупо протаранить друг друга. Они шли по счислению, что было рискованно, но фактор внезапности нельзя было упускать.

– Ракетницы! – приказал капитан.

Молодой мичман протянул ему пистолет с широким коротким дулом, сам он держал такой же.

– Сигнал!

Оба пистолета выстрелили, выпустив в небо красную и зеленую искры. В ответ сразу целый сонм таких же звезд поднялся с берега, указывая на колонну целей. На берегу кто-то несколько раз выстрелил, пророкотал пулемет, но русские орудия пока молчали, видимо, не наблюдая целей.

¹⁹ На японском – тора! Тора! Тора!

Капитан уже решил было, что все обошлось, как вдруг сзади донесся глухой, раскатистый взрыв.

– Выстрела не было слышно. Возможно, кто-то из наших выскочил на мину, Кота-сан? – настолько почтительно, насколько это было возможно в такой ситуации, спросил мичман.

– Это уже неважно. Аппараты к бою! – приказал командир отряда.

Мичман закричал на матросов, ворочающих торпедные трубы на левый борт. Сзади послышались удар, скрежет, затем еще два таких же звука и беспорядочная стрельба. Похоже, одна из последних троек по неопытности сбилась с курса и полным составом вылетела на камни острова Попова. Это плохо. Знать бы, кто именно оказался столь неумелым, тогда бы перенаправили часть истребителей с пораженных целей на оставшуюся без внимания... Но увы, умения его моряков, вынужденных вступить в бой, не завершив подготовку, еще не те, чтобы менять план на ходу...

С берега снова взлетели сигнальные ракеты, сопровождаемые яростной стрельбой: видимо, неповоротливая русская полиция пыталась обезвредить сигнальщиков, и прикрывающие их воины Ямато отдавали свои жизни за возможность послать товарищам еще хотя бы один сигнал. Осталось чуть-чуть...

Только проходя мимо замыкающего строй русского броненосца – кажется, это был «Сисой Великий», – капитан осознал свою ошибку: надо было начинать обстрел с ближайшего фланга русского броненосного строя, а не производить залпы по всем кораблям гайдзинов одновременно. А теперь, пытаясь выйти на флагманскую «Россию», он вынужден последовательно проходить через огонь всех русских броненосцев.

Богиня Аматаэрасу пока хранила его экипаж. Море вокруг уже бурлило от трех- и шестидюймовых снарядов, но попаданий в головной экипаж пока не было. Следующие за ним «Асасио» и «Акацуки» уже горели, как магнитом приманивая на себя новые и новые смертельные подарки. Что ж, у его звена в залпе остаются еще две торпеды...

* * *

– Верткий япошка попался, чуть не упустил! – пробормотал наводчик казематной шестидюймовки «Севастополя», глядя, как поднимается в небо столб грязного пара и дыма на том месте, где только что находился лидер миноносцев «Сиракумо». Загазованность на батарейной палубе была намного меньше, чем в неудачных по конструкции башнях, и он, в отличие от товарищей, еще мог вести огонь. – Матерь божия, да сколько же их тут! Снаряд, черти!

Все новые и новые тени появлялись из утренней дымки с той стороны, откуда их не ждали, скользя мимо трех неподвижных костров в неверном свете зарождающейся зари. Белоснежные следы восемнадцатидюймовых торпед чертили темную воду. Оседала на правый борт пораженная сразу двумя торпедами «Полтава», пытаясь отползти на мелководье на неповрежденной машине.

Старый миноносец, не способный развить и двадцати узлов, бросился поперек третьего торпедного следа и исчез в пенно-огненном столбе взрыва, приняв на себя предназначенную броненосцу смерть. Еще один взрыв, оглушительный и страшный, раздался справа.

– «Петропавловск»! – заполошно крикнул подносчик. – Братцы, «Петропавловск» подорвали! В клочья!

– Заткнись, салага! – рявкнул наводчик. – Снаряд!

* * *

– Посмотрите, Петр Иосифович, не иначе третий отряд японцев на Попова склоняется? – Контр-адмирал Иессен прикинул к биноклю.

Командир крейсера «Россия» Петр Иосифович Серебрянников предпочитал биноклю стереотрубу, установленную в боевой рубке всего пару месяцев назад: не из сугубой осторожности, а исключительно по причине более широкой оптической базы.

– Так точно, Карл Петрович, достали береговые Камимуру, вот они и пытаются разобратся с ними с близкой дистанции, считая, что на нас и двух отрядов с лихвой хватит. Шутка ли, двенадцать против четверых, если посчитать нашу «Россию»...

– Да уж...

Адмирал был мрачен. Как ни готовились они, как ни тренировались, как ни налаживали разведку и оповещение, как ни вылавливали шпионов, а все же потеряли два броненосца из пяти. «Полтаву», слава богу, удалось посадить на грунт, а «Петропавловск»... И ведь самое обидное, сообщение о подозрительных кораблях в Амурском заливе поступило в штаб всего за пять минут до первого взрыва...

Он задумался. Вспомнилось загадочное распоряжение императора – никого из командного состава эскадры на «Петропавловске» не иметь. Возможно, государю доложили, что японцы будут первым делом атаковать самый боеспособный из броненосцев? С другой стороны, он и сам предпочел в качестве флагманского корабля резко прибавившую в ходе и вооружении «Россию»...

– Уже девяносто кабельтовых. Не соблаговолите ли... – потормошил адмирала Серебрянников.

– А что тут соблаговольять? Николай Карлович и так свое дело знает, сейчас...

Со стороны укоротившейся почти вдвое колонны русских броненосцев разнесся гулкий звук залпа. Через сорок секунд еще один, со второго в колонне, и еще один, с третьего...

– Как же медленно стреляют, – пробормотал адмирал.

– С таким-то цирком, – не отрываясь от трубы, пожал плечами командир «России», – хорошо еще, что хоть так можем...

Новые, удлиненные снаряды не уместались в старые лотки и снарядные погреба, и если на черноморском «Потемкине» все же удалось модифицировать поданные механизмы, то во Владивостоке совсем было отчаялись перейти на новые снаряды. Выручила русская смекалка: носовые баллистические колпачки выполнили съемными, и башенные команды навинчивали их на снаряды непосредственно перед выстрелом²⁰.

Четыре всплеска поднялись вокруг головной «Микасы» уже со второго залпа: сеть береговых постов неустанно сообщала командующему броненосным отрядом Рейценштейну вычисленное по пеленгам местоположение и его тройки, и эскадры противника. Благодаря отработанной за зиму системе связи и гигантским двенадцатифутовым дальномерам на самих броненосцах, дистанция была определена точно.

– Да, молодцы артиллеристы. Эх, было б нас хотя бы пятеро... Мичман, сколько снарядов японцы уже в остров вколотили?

– Виноват, господин адмирал, – выкрикнул кто-то из крейсерских мичманов, внимательно наблюдавших за вражеской колонной. – Японцы дают один выстрел в полторы минуты – видимо, по «Фудзи» с «Ясимой» равняются... Восемнадцатый залп!

– Считай, четверть боекомплекта у них долой. И ничего нашим башням береговым пока не сделалось, – кивнул Иессеи, наблюдая, как рядом с головным броненосцем вскипают пять белопенных всплесков, а на палубе начинается разгораться очередной пожар от попадания пятисотфунтового фугаса, шестого в залпе.

²⁰ Реальная технология, примененная в Первую мировую войну на русских броненосцах со старыми сорокакалиберными орудиями. Скорострельность главного калибра, разумеется, снижалась, зато действие новых снарядов по цели, особенно на дальних дистанциях, стало не в пример лучше, «Гебен» тому свидетель.

– Берег-два: скорость японцев падает до двенадцати! – отрапортовал еще один мичман. Поверх его светло-русых вихров пристроились массивные наушники с пористыми каучуковыми шумоизоляторами.

– Надеюсь, Николай Карлович тоже принял и не сплхует, – пробурчал Иессен. – Ага!

Видимо, полутонный снаряд с одного из броненосцев Рейценштейна попал в палубу японца по крутой траектории, пробив ее прямо над шестидюймовым казематом. Броневой борт озарился вспышкой, и адмиралу показалось, что многотонное орудие, выброшенное из каземата силою взрыва, вошло в воду подобно торпедо.

– Японцы ворочают вправо, последовательно! – выкрикнул первый мичман.

– Не понравился господину Того наш горячий прием. Не ждали они. На «телефункене» – передать Рейценштейну: бить по точке поворота!

– Господин адмирал! – отрапортовал через полминуты радист. – Три японских бронепалубника попытались прорваться к бухте Подъяпольского, отогнаны «Мономахом» и береговой батареей! Один, предположительно «Акаси», парит и отстают! Подводные лодки провели атаку, одна торпедо его достала!

– И там самураи по зубам получили-с... И смертничков наших с почином, да. Но мало, мало! «Мономаху» преследовать «Акаси», не дать бронепалубникам соединиться с основными силами.

– Неужели Того так и уйдет? – задумчиво пробормотал Серебренников. – Сколько нам про самурайский дух говорили, про упорство японское... Ну да, береговые батареи, которых он ждать не ждал, ну да, бьем мы его с дистанции, о которой они даже мечтать не смели... ЕСТЬ!

Очередной залп русских двенадцатидюймовок, нацеленный в точку поворота вражеской эскадры, оказался тем самым золотым, какие зачастую решают исход боя. Тяжелый снаряд попал во всего-то шестидюймовую броню развернутой в диаметральной плоскости для перезарядки башни идущего пятым «Фудзи», успешно пробил ее и высвободил энергию полного пуда тринитротолуола. Несколько секунд башня с глядящими вразнобой стволами курилась ядовиточерным дымом, а потом взмыла в небеса на огненной колонне взрыва.

– Теперь, может быть, и правда уйдет, – развел руками Серебренников. – Глядишь, решит, что хватит ему.

– Мало ему будет, – мрачно промолвил Иессеи, наблюдая, как уходит под воду японский броненосец и как остальные кренятся в повороте, стараясь не столкнуться с задравшим корму корпусом. – Одного – мало! Только за «Петропавловск» нам троих нужно взять!

– Третий отряд японцев отворачивает от Попова! Уходят! «Токива» горит, идет последним! – сообщил радист.

– Миноносцам атаковать «Токиву». Радену идти под прикрытием «Соколов», затем сократить дистанцию до пятнадцати и атаковать полным залпом дивизиона! – отреагировал Иессен. – Все на одного! Хоть одна мина из двенадцати да попадет... Мичман, радио на «Святителей»: держаться не ближе восьмидесяти за японцами, обстрел продолжать! Все внимание – первому и третьему отрядам, второй атаковать только при невозможности стрельбы по остальным! Из зоны действия береговых батарей не выходить – съедят-с! В остальном действовать по своему разумению. А мы постараемся утопить «Акаси», ну и еще кого из бронепалубников, если повезет. Слишком далеко они от своих оторвались, слишком нагло себя ведут. А наглость наказуема. Дадите двадцать один, Петр Иосифович?

– С половиной, – усмехнулся тот. – Угля-то у нас не в полный груз, специально облегчались!

Взвыли вестингаузовские турбины, вращая генераторы General Electric, и русский крейсер словно бы взлетел из воды, совершая широкую циркуляцию на перехват оставшихся без поддержки японских крейсеров. Все его восьмидюймовки зашевелились в предвкушении грядущей мести.

Историческая справка

Адмирал Иессен – земляк автора. В годы Русско-японской войны начальник Отдельного отряда крейсеров эскадры Тихого океана. Возглавлял русскую эскадру в бою в Корейском проливе. Адмирал Иессен уникален уже тем, что в Русско-японской войне он – почти единственный из участвовавших в ней российских флотоводцев! – не погиб и не попал в плен. Выдержав тяжелейшее сражение с превосходящими японскими силами и потеряв крейсер, он сумел спасти два других своих корабля и привел их во Владивосток Петр Иосифович Серебrenников – участник Цусимского сражения, командир «Бородино». Во время боя он был тяжело ранен (ему повредило шею и оторвало кисть правой руки), но даже на операционном столе он «ни на минуту не терял сознания и все время отдавал распоряжения, интересуясь ходом боя и ободряя команду». В молодости состоял членом морского кружка военной организации партии «Народная воля» в Кронштадте. В 1874 г. вместе с мичманом В. Н. Миклухой гардемарин Серебrenников распространял нелегальную литературу и намеревался оставить военную службу, чтобы примкнуть к «хождению в народ». После разгрома военной организации «Народной воли» оставил революционную деятельность.

В то же время. У Цапличьей лагуны

Шальной шестидюймовый снаряд, долетевший аж до противоположного берега Амурского залива, лопнул у прибрежных камней, подсветив фигуры непрошенных гостей. Японские сигнальщики пока не поняли, что потревожившие их русские не воинская часть и даже не казачий разъезд, а всего лишь двое сотрудников русской контрразведки. Один из них – филер, отслеживающий связную майора Фуццо Хаттори, а другой – прикомандированный к нему прапорщик Степан Степанович Гордеев, едва оправившийся после ранения, но выдернутый из госпиталя как знаток японского языка.

– Вот ведь беда, ваше благородие, – прошептал филер, обратившись к офицеру по-старорежимному, – следили за девчонкой, а тут целый батальон нехристей.

– Максимум взвод, – автоматически ответил прапорщик, снаряжая последними патронами «Маузер К96», именное оружие, врученное лично полковником Потаповым в награду за похищенные из японского штаба документы. – Эх, знал бы, что столько стрелять придется, взял бы с собой вещмешок. У тебя как?

Филер крутнул барабан револьвера и грустно усмехнулся.

– Пусто...

– Тогда так, служивый, – Степан вдруг засмутился, что второпях забыл даже спросить имя контрразведчика, – бери обеих лошадок – и наметом до ближайшего поста или разъезда. Думаю, что наши уже увидели иллюминацию и сами спешат сюда. Ты им подскажешь, где искать гостей, а я пока с ними побеседую по-свойски...

– Эх, Степан, Степан, – прошептал прапорщик, провожая глазами юркого не по годам филера, – везет же тебе на приключения. Из огня да в полымя. Кстати, насчет пламени...

Над заливом грохотало и сверкало непрерывно. В трех или четырех местах занималось зарево. Казалось, что колесницы Зевса спустились с небес и раскатывали по волнам Золотого Рога и Амурского залива.

«Пора и нам пошуметь!» – скомандовал себе Гордеев, передернув затвор, и рывком бросил себя из-за спасительного укрытия вправо по прибрежной тропинке. Десять шагов, приглядеться, развернуться – и быстро сделать пять выстрелов в сторону противника, на ходу изображая стрельбу пачками целого отделения. Потом такой же маневр в другую сторону. Ну вот, кажись, и все... Теперь только кулаком грозить и камнями бросаться.

Кусты шевельнулись неясной тенью, и под ноги разведчику упала галька.

– Эй, солдатик! – услышал прапорщик насмешливый девичий голос. – Живой?

– Кто там? – полушепотом ответил Гордеев, отбросив бесполезный маузер и судорожно схватившись за шашку.

– Единственный, кто может спасти тебя от героической гибели.

Кусты еще раз чуть качнулись. Прапорщик готов был поклясться, что никто к нему не подбегал и не подползал, только рядом вдруг материализовалась лесная кикимора. Во всяком случае, именно так описывала их маленькому Степушке бабушка. Мол, кикимора мала, тонка, с большой головой, длинными руками, короткими ногами. У нее выпученные глаза, мохнатые лапы, рожки, хвост, она покрыта перьями или шерстью. Еще бабушка говорила, что кикиморы обыкновенно невидимы, неугомонны, быстро бегают и могут общаться с людьми человеческой речью.

Единственное, о чем умолчала бабушка, это об оружии лесных жительниц. Существо, присевшее рядом с прапорщиком на одно колено, опиралось тоненькой рукой на короткий кавалерийский карабин. Все остальное совпадало. Большая голова с торчащими сухими веточками, мохнатая, будто покрытая мхом, шкура и глаза...

Вот глаза были вполне человеческие, смеющиеся и совсем не страшные. Но Гордеев увидел их не сразу, а когда «кикимора» легким движением руки откинула закрывающую все лицо вуаль, наклонила голову и внимательно осмотрела прапорщика.

– Не ранен?

– Кто вы? – Гордеев говорил это, понимая, что произносит самую большую глупость, каковую только можно выдумать в его положении.

– Урядник Юдина, ваше благородие, особый взвод ночных охотников, – насмешливо представилась «лесная жительница».

И прапорщика будто ткнуло в темечко, а память услужливо вытащила из закров прогремевшее год назад на весь Дальний Восток награждение героических казаков, защищавших Благовещенск во время восстания ихэтуаней, и слухи, что все они до единой приглашены императором в его личную охрану.

– Не задели? Ну и слава богу! Отдохните, ваше благородие, теперь мы повоюем...

Только теперь прапорщик заметил, как слева и справа от него бесшумно появлялись и перемещались вдоль тропинки неясные тени, слышалось сосредоточенное сопение и клацанье передергиваемых затворов.

– Огонь по готовности! – уже громче скомандовала «кикимора» и направила в сторону японского десанта сигнальный пистолет Бери.

Ослепительно белый комок огня вытянулся дугой к берегу заскакал по камням, зашипел рассерженной змеей, и его недовольный голос сразу же заглушил дружный треск автоматических винтовок Федорова – Роцпея.

В то же время. На острове Попова

По ступенькам КП экспериментальной башенной батареи береговой обороны буквально скатился казак, ошалело вращая глазами и судорожно хватая ртом воздух.

– Господин капитан! Все! Смяли нас! Охранения больше нет. Еще десять минут – и японцы будут у орудий...

Артиллерист забористо, по-морскому выругался, бросил на планшет карандаш и рывком поднялся с места, одновременно расстегивая кобуру револьвера.

– Как же не вовремя! Мы так хорошо накрыли Того! Сколько их?

– Не меньше сотни! В основном с миноносцев, что на камни налетели. Было больше. Первую волну наши пулеметчики посекали, а потом по ним врезали с воды прямой наводкой, а англичане ударили в тыл, в окопы ворвались...

– Англичане? С чего ты взял? Откуда они тут?

– Поручик пехотный сказал, до того как убило его. Пароход еще вечером шастал, вроде как германский, могли с него высадиться...

– Ладно, потом разберемся... Пошли, покажешь, откуда пойдут!

Они поднялись на контрэскарп как раз во время очередного залпа. Длинные языки пламени, вылетевшие из стволов и разорвавшие ночное небо, моментально ослепили, а грохот залпа заставил невольно присесть, оставив после себя нудный неумолкающий звон в ушах.

– Вот там и там нехристи поднимаются, – уверенно указал казак направление движения неприятеля. – А по-другому и не получится: скалы...

Решение пришло моментально. Офицер нырнул в боевую рубку, уже зная, как и чем встретит врага.

– Никифоров! Слушай внимательно! Стволы – в ноль! Развернуть на тридцать градусов влево, ориентир – одинокая сосна, правее два, зарядить холостым. Да, только пороховой заряд, и не жадничай! Огонь по красной ракете!

Точно такую же команду получила вторая башня. Стволы орудий нехотя отворачивались от вражеской эскадры и нащупывали новую цель. Треск ружейной перестрелки слышался все ближе, и вот на склоне, на фоне светлеющего неба появилась редкая цепь защитников – жалкие остатки двух рот прикрытия, в чью задачу входила противодесантная оборона побережья.

В отступлении инфантерии с позиций артиллерист не видел ничего позорного, наоборот, удивлялся, что хоть кто-то остался в живых и более-менее организованно отходит после массированного обстрела главным морским калибром. Отступающие успели добежать почти половину расстояния до батареи, когда из-за откоса вымахнула и начала расплзаться по небольшому плато темно-синяя волна военно-морских мундиров Японского императорского флота. Вот они остановились, грохнул нестройный залп, и несколько отступающих, будто споткнувшись, упали на пожухлую траву и больше не поднялись.

Капитан почувствовал, как у него повлажнели ладони при одной мысли, что пистолет может дать осечку и комендоры не увидят сигнал на открытие огня. Да нет, командир башни, прапорщик Никифоров, вполне самостоятельный и понимает, что делает и зачем. Должен сообразить... А если не сообразит? Вот и он сам вылез из под брони, кричит и машет руками отступающим...

Японские матросы, сломавшие строй в предвкушении расправы над ненавистной батареей, превратившись в многоголовую и многорукую толпу, жаждущую крови, почти настигли беглецов и почти прорвались к орудиям. До них оставалось не более тридцати шагов, когда с горы, господствующей над островом, взвилась в небо одинокая красная ракета, а в лицо атакующим плеснуло пламя из преисподней...

В Ормузском проливе. Спустя два часа после начала боя

– Вот и все, Дмитрич, – вздохнул поручик Жуковский, – пара корабельных залпов – и нет батареи, только наше орудие и осталось. И корректировщиков накрыли.

– Впредь нам, дуракам, наука, – согласно кивнул фельдфебель. – Коли выживем, конечно. Об заклад бьюсь, что они по вершине чисто для проформы вмазали. И правы оказались. Вдруг горядь корректировочный пункт рядом с ориентирами не ставить, скромнее надо быть, вашбродь, скромнее. А то вон штабных, что в португальской крепости засели, еще издали в пыль разнесли, тоже чисто для проформы. А это грех смертный: они ж безвредные совсем, чисто кошенята, а потому бесполезные.

– И что сейчас предлагаешь? Без корректировки?

– Почему же без? Помните, флотские жалились, что у них кто-то малый дальномер спер?

– Так это...

– А Чемоданов нашел. Под кустиком валялся, – невозмутимо пояснил фельдфебель. – Не Чемоданов, само собой, валялся, а дальномер. Маленький Кузнецов с ним сидит вон в тех

камушках, под мешковиной. И телефон для него Чемоданов в портовой конторе нашел, в Бондарь-Басе еще. Хороший телефон, американский, фирмы «Белл». Так что считайте, вашбродь, а мы тут меры примем. Эй, болезные! Брезент поправить! Водой смочить! – заорал он. – Живо, живо, ишаки, банником обдроченным деланные! Чем меньше пыли, тем позже нас накроют!

Солдатики забежали, расправляя и прибывая кольями расстеленный перед восьмидюймовым жерлом брезент и поливая его грязной, пахнущей гнилью водой из здоровенной бочки.

– Наводи, Дмитрич, – вздохнул поручик, – у тебя опыта побольше будет. Пару выстрелов успеем дать. А там...

– Надо три, – вздохнул в ответ фельдфебель, – чтобы для гарантии. Что за два попадем, не ручаюсь. Акопьян! – крикнул он.

– Здесь, господин фельдфебель!

– Бери Петренко, Чагина и Кузнецова-большого. Хватайте под мышку по картузу, к ним пашки динамитные, из тех, что от саперов остались. И зажигалки не забудьте. Добираетесь вон до тех камней, что в четверти версты правее и чуток пониже, пристраиваете меж камнями заряды, с интервалом шагов двадцать между ними. Через семь минут поджигаете шнуры – на две минуты режьте, да поровнее, чтобы как батарейный залп выглядело, – и ноги в руки. Держи вот.

Он протянул носатому фейерверкеру дешевые часы-луковицу, их выдали всем унтерам пару месяцев назад. Тот отдал честь и рванул к дальнему блиндажу.

– Мы, вашбродь, молчим, пока по вспышкам главный калибр не разрядят. По четырем-то они обязательно отработают, не побрезгуют. А потом им для перезарядки стволы по носу да по корме ворочать, потом обратно... Две минуты у нас будет. Как они пальнут, так и мы. Мокро-жопые-то проспали, как обычно, так что с утыгами этими, – он кивнул на наползающую справа броненосную колонну, – только нам и разбираться. Наводим не по головному, а по второму в колонне: у первого башни закрытые, не пробить. Все, добеги черт носатый. Командуйте, вашбродь.

– Дистанция шесть восемьсот шесть, скорость восемнадцать верст! – заорал сидящий с телефонной трубкой у уха Чемоданов.

– Дальномер у флотских в богомерзких милях да кабельтовых размечен, – пояснил фельдфебель, прикиная к прицелу, – срамота! Кузнецову ажно табличку для перевода рисовать пришлось.

Поручик присел за бруствер, приложил к глазам бинокль, прикинул...

– Упреждение... девять тысячных, или полкорпуса. Угломер на шесть восемьсот! На сопровождение! Все от ствола! Воду приготовить! Стрелять после залпа по Акопяну!

– Сопровождайте, черти! – рявкнул фельдфебель на артиллеристов, занявших позиции у ворота горизонтальной наводки. – Вот так! Крути влево, чуть быстрее... Притормози... Во, так и вертите!

В четверти версты справа длинно грохнуло. Орудия в башнях и барбетах, прекрасно видимых с позиции английских кораблей, зашевелились, затем по темным силуэтам пробежали вспышки...

– ОГОНЬ!

Последнее уцелевшее орудие батареи выстрелило за мгновение до того, как земля между ним и разбитыми ранее позициями соседей превратилась в ад. Несколько шестидюймовых фугасов легли перелетом, расчеты засыпало охряной крошкой.

– Откат нормальный! – заголосил замковой.

– Заряжай! – скомандовал поручик. – Живо, живо! Дмитрич, ты как?

– Живой! – ответил тот, наблюдая за поднявшимся всплеском в сотне метров от идущего вторым броненосца.

– По целику хорошо, дальше сто двадцать! – крикнул покрытый пылью Чемоданов.

Батарейцы вертели рукоятки лебедки, поднимая к старому орудию очередной восьмипудовый снаряд нового образца.

– Брезент поправить! Воду на брезент! – приказал Жуковский.

Броненосцы снова рывкнули, на этот раз средним калибром, вколачивая снаряды в тучу пыли, поднявшуюся на месте предыдущих попаданий.

– Орудие готово! – крикнул замковой.

– На дальнотере шесть триста девяносто! – сообщил Чемоданов.

– Упреждение... восемь тысячных, угломер... шесть пятьсот! По готовности... Огонь!

– Откат нормальный!

Снаряд снес одну из стоящих в ряд труб броненосца, не разорвавшись, и пенный всплеск встал чуть дальше цели.

– Брезент поправить! Воду на брезент!

Судя по всему, на головном разглядели вспышки. Его башни все еще находились в сагитальной плоскости, стволы были задраны вверх, на угол перезарядки, но батарея шестидюймовок отстрелялась почти верно: снаряды легли с недолетом сажень в пятьдесят.

– На дальнотере шесть двести пять!

– На угломере ставить шесть двести пятьдесят! Упреждение восемь! По готовности!

На этот раз прицел шестидюймовок головного был точнее. По руке чуть выше локтя ударило, почти не больно, сзади кто-то закричал.

Приникший к биноклю Жуковский левым виском чувствовал взгляд направленных на него стволов главного калибра «Худа». Он знал, что не услышит «своего» залпа: тринадцати с половиной дюймовый снаряд летит вдвое быстрее звука. Поэтому он был очень удивлен, когда со стороны моря донесся взрыв.

– Орудие готово!

– Огонь!

Пушка рывкнула, и поручик понял: они сделали, что могли.

Он оторвался от окуляров.

Бруствер орудейного двора был почти полностью разрушен. У подъемника лежало несколько тел в местных рубашках, а на его собственном порванном рукаве расплывалось кровавое пятно, к счастью небольшое. Головной «Худ» все так же шел вперед, но стволы его носовой башни, уже и вправду развернутые в сторону берега, торчали под нелепыми углами, а с крышей башни что-то явно было не в порядке: из-под нее курился дымок.

«Мы же по второму целились!» – успел подумать поручик, прежде чем рядом с бронированным бортом встали еще четыре фонтана. А потом истекающую дымом башню «Худа» подбросило. Секунд через двадцать накатил гулкий грохот, и поручик понял, что они еще немного поживут.

– Не проспали морячки! – крикнул от орудия фельдфебель. – Это ж наши броненосцы по головному бьют! Да и мы своему влили, вашбродь, правда, по поясу. Эй, кто живой остался – брезент, вода! Давай-давай! Не все нас видят, и мы не торопимся помирять!

– Дистанция шесть ровно! – передал Чемоданов.

– Так... скорость они увеличили, сейчас двадцать одна верста. Угломер шесть ноль пятьдесят! Упреждение десять! По готовности!

Следующим выстрелом они снова попали. И еще одним прямо в барбет. Но второй броненосец тоже записали флотским. Обидно. Это, как оказалось, был «Рипалс». После взрыва второго им и удалось добиться попадания еще в один броненосец, правда, без видимого эффекта. Но весь расчет старой восьмидюймовки точно не останется без наград. Только, как назло, Акопьян разгрохал о камни фельдфебельские часы, когда улепетывал из-под первого залпа, и Жуковский пообещал почтой заказать Ивану Дмитриевичу золотые, фирмы «Павел Буре».

Вечер того же дня. Ставка Верховного главнокомандования

– ... Таким образом, наши потери в Персидском заливе следующие. Безвозвратно – эскадренный броненосец «Георгий Победоносец» и три истребителя. Броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» и два истребителя подлежат ремонту. Почти полностью уничтожена восьмидюймовая батарея, а батарея одиннадцатидюймовых орудий – без возможности восстановления.

– Береговые батареи выполнили поставленную задачу, и это главное, – прищурился император. – Англичане в Персидском заливе и японцы у Владивостока, как ни осторожничают, все-таки попали в артиллерийскую засаду, сунувшись в узкие проливы. У этих устаревших пушек, оставь мы их на канонерках, не было шанса даже приблизиться на расстояние открытия огня, а скрытно установленные и замаскированные на берегу они смогли выдержать почти двухчасовой бой... Кстати, каковы потери англичан?

– В бою при Ормузе уничтожены два британских броненосца – «Худ» и «Рипалс», тяжело повреждены еще два – «Рамиллиес» и «Императрица Индии». По неподтвержденным данным, «Рамиллиес» затонул на переходе.

– Каков процент попаданий? – уточнил император, раскуривая папиросу.

– По береговым батареям данных нет ввиду полного уничтожения штаба. По кораблям после завершения пристрелки – два с половиной процента на дистанции семьдесят, около двух – на дистанции девяносто кабельтовых, господин Верховный главнокомандующий. Огонь нашими кораблями на меньших дистанциях не велся, поэтому в артиллерийском бою наши корабли повреждений не получили вообще.

– Это хорошо. Это значит, что наш расчет был правильным, – кивнул император. – Надо использовать это преимущество прежде, чем наши враги успеют принять контрмеры. Что с потерями легких сил англичан?

– Миноносный таран «Полифемус» также не смог расцепиться с «Георгием Победоносцем» и затонул вместе с ним. Потери противника в истребителях составляют до десяти единиц.

– Точнее, – потребовал император. – Один – это тоже «до десяти». И даже ноль – это тоже «до десяти».

– Я же говорил, – слегка обиделся докладчик. – Штаб береговых батарей и пост наблюдателей уничтожены полностью. Результаты наблюдений утеряны. Но за четыре могу ручаться, с них захвачены пленные.

– Значит, пока считаем четыре. А что в Бушере?

– На выставленных накануне минах подорвался и затонул бронепалубный крейсер первого ранга «Крисцент», пытавшийся в составе отряда из четырех крейсеров типа «Эдгар» обстрелять порт. Однотипный «Гибралтар» был поражен попаданием одиннадцатидюймового снаряда, после чего противник отошел.

– Три крейсера, – вздохнул император, – хорошо, пусть даже два. Они попортят крови и нам, и персам...

– С вашего разрешения, государь... Поврежденный крейсер отходил курсом на северо-запад, вероятно, в Эль-Кувейт. Туда уже отправлены «Наварин» и «Ростислав», они уверенно держат пятнадцать узлов и, как я уже говорил, не получили в бою повреждений... Полагаю, крейсеров у британцев останется всего два, да и те отойдут в Карачи вслед за броненосцами. Им без поддержки «Роялей» делать нечего.

– И все же, почему британцы отступили, как считаете, господа?

– По непроверенной информации, государь, на «Рамил – лиесе» ранен командующий операцией адмирал Фишер, – заметил начальник разведки. – Видимо, без него у британцев не хватило духу продолжать операцию после первых потерь. Я согласен, что «Сент-Джонс» и «Роял Артур», два оставшихся неповрежденными бронепалубника англичан, действительно

покинут Персидский залив. А вот «Гибралтар» уползал на двенадцати узлах, и вряд ли мы его упустим.

– Это хорошо, – кивнул император. – Британские крейсера, особенно первого ранга, для нас даже более неприятный противник, чем броненосцы, за исключением новейших кораблей. Докладывайте, как только получите новую информацию. Что во Владивостоке?

– В результате внезапной атаки миноносцев взорван «Петропавловск», – доложил еще один капитан из оперативного отдела главморштаба. – «Полтава» села на грунт. Как говорят портовые, ее можно будет поднять, но правая машина полностью уничтожена и не подлежит восстановлению. Мы потеряли также все четыре моторных миноносца, утопивших броненосец второго класса «Токива». Один – на сближении до пятнадцати кабельтовых, – капитан вздохнул, – два были перехвачены скоростными бронепалубными крейсерами уже на отходе; один ушел, но подорвался на нашей же mine.

– Полный список экипажей и личного состава береговых батарей мне, для награждения. Информацию о том, что «двести восьмой» подорвался на нашем заграждении – не распространять.

Капитан удивленно дернул бровью: в его докладе не был указан номер несчастлившего миноносца.

– Слушаюсь, ваше императорское величество. Больше потерь в кораблях нет. Повреждения башенных батарей на островах Русский и Попова незначительные, двухорудийной открытой батареи на полуострове Подъяпольского – умеренные, ее боеспособность уже восстановлена.

– Понятно.

Император прикрыл глаза. Ему очень хотелось спросить: ну как же это можно, имея всю информацию о начале войны, вот так вот просто проморгать сразу две миноносные атаки. И это притом, что последующий бой прошел точно в соответствии с расчетами – без потерь и даже без повреждений крупных кораблей. Но он промолчал. Разбор ошибок он оставит на потом.

– Что с японцами?

– «Фудзи» взорван снарядом с «Трех Святителей», государь. Прямое попадание в башню. Процент попаданий на дистанции от восьмидесяти до девяноста кабельтовых был даже выше, чем у Персидской эскадры: семь отмеченных попаданий на двести сорок выпущенных снарядов, а у береговой артиллерии нового образца – даже до трех с половиной процентов. Поэтому почти все остальные броненосцы получили те или иные повреждения. «Микаса» лишился примерно половины средней артиллерии левого борта. Еще два броненосца – «Хатсусе» и «Ясима» – при отходе подорвались на крепостном минном поле, сохранив, правда, девятиузловой ход.

– «Хатсусе»... «Ясима»... На минах... И снаряд в башню «Фудзи», – пробормотал император. Казалось, потери противника его не радовали, а беспокоили. Да и «Микасу», как-никак флагман Объединенного флота, он почему-то проигнорировал. – И взорванный «Петропавловск»... Не обращайтесь внимания, господин капитан, продолжайте, просто сегодня очень длинный день... Самый длинный, пожалуй...

– Так точно, ваше императорское величество! Также броненосным крейсером «Россия» уничтожен бронепалубный крейсер «Акаси», поврежденный до этого подводной лодкой «Ерш». Кроме того, крейсер «Такасаго», пытавшийся помочь товарищу, был поврежден в результате артиллерийского боя. Потоплено минимум шесть японских миноносцев: один подорвался на mine до атаки, три уничтожены во время атаки и два расстреляны береговой артиллерией на отходе. Еще три миноносца выскочили на камни у острова Попова в результате навигационной ошибки.

– Так это их команды приняли за десант? – удивился император.

– Так точно. Японцы подорвали миноносцы зарядами и головными частями запасных торпед и пошли в атаку на батареи. С саблями.

– И как?

– В боекомплекте батарей не предусмотрены картечные снаряды для самообороны, поэтому командир гарнизона принял решение подпустить атакующие цепи на пистолетный выстрел и ударил двойным пороховым зарядом... Из всех шести стволов. Часть японской штурмовой группы просто испарилась, примерно треть получила контузии разной степени тяжести. Оставшихся, полностью деморализованных, добило в контратаке пехотное прикрытие. Пленных нет. Нет среди этого десанта, – поправился он. – Двое ракетчиков, подававших сигналы миноносцам, и несколько человек из их прикрытия взяты живыми.

– Почему их не обнаружили предварительно? – нахмурился император. – Были ясные указания на недопуск азиатов...

– Это европейцы, государь. Предположительно британцы. Но дрались они отчаянно.

– Что ж, по крайней мере, японские миноносные силы мы ополовинили. Думаю, британцы вполне могут помочь союзникам кораблями. У них миноносцев сотни полторы, не так ли?

– Уже меньше, государь. Помимо потерь, они переделывают все свои стотридцати- и стошестидесятифутовые миноносцы в тральщики, как и двадцатишестиузловые типа «А». В основном они стягивают их на Балтику.

– А на Черноморский театр?

– Они планировали войти в Черное море еще до того, как мы выставили заграждения, государь. Но в Босфоре флагманский крейсер адмирала Керра «Террибл» внезапно взорвался по неизвестным причинам. Первый морской лорд погиб.

– Вот как? Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Избежал, значит, адмирал наш коварного покушения на «Александр», а тут такое, понимаете ли, несчастье... Продолжайте, капитан.

– Англичане решили, что пролив заминирован, прекратили продвижение и...

– И?..

– И опоздали. Наши минные крейсера, все четыре, успели ночью выставить в горле Босфора мины, прямо с рельс, на десятиузловом ходу, ориентируясь на скрытые огни, выставленные разведывательными командами Черноморского флота. Мины были выставлены в радиусе действия береговых батарей турок. А те, как мы полагаем, проспали.

– Ну, не одним же нам просыпать начало войны, – проворчал император. Его раздражение все-таки вылезло наружу, хотя бы краешком. – И что дальше?

– Дальше мы начали ставить заграждения уже официально, если так можно выразиться. Британцы, не обнаружив мин в проливе, выдвинули вперед «Цезарь», «Илластриес» и «Викториес», чтобы помешать «Бугу» и «Пруту». «Цезарь» шел первым. «Екатерина», прикрывавшая постановки, уже приготовилась открыть огонь с восьмидесяти кабельтовых, но опоздала: «Цезарь» налетел на мину.

– И что с этим «Цезарем» стало? – заинтересованно спросил император.

– Потерял носовую оконечность, – развел руками капитан. – По самый барбет. На том самом «ночном» заграждении, упущенном турками. Но не взорвался, и даже не опрокинулся, а отошел задним ходом. Через полгода он, возможно, и вернется в строй. Но прямо сейчас, полагаю, британцам на Черном море не до атаки.

– Это хорошо, – кивнул император. – Нам очень нужно время. На Черном море каждый час, каждая минута работает на нас. И мы не должны забывать тех, кто предоставляет нам эти бесценные минуты. Поэтому, когда будет возможность, пригласите в Ставку эту неизвест-

ную причину внезапного взрыва британского флагмана... «Террибл»...²¹ Действительно, какое неудачное название для боевого корабля...

Накануне. Стамбул

В Стамбуле все покупается и продается – так повелось от века. А уж сейчас, после нескольких загадочных смертей, неизбежных при столь резкой смене политики от «пожалуйста, не трогайте нас, дайте помереть спокойно» до «сейчас мы вместе с английскими гяурами отомстим русским гяурам за старые обиды и за подлый подрыв „Александры“ тоже», и подавно. Поэтому не было ничего удивительного в том, что вполне приличный и не слишком даже старый итальянский пароходик с претенциозным именем «Князь Боргезе» встал под разгрузку на одно из лучших мест, всего в полутора милях от выстроившейся на рейде британской эскадры.

Понятное дело, британцы, начиная с прошлой недели, изрядно нервничали, особенно ночью. Лучи их прожекторов металась по водной глади, нащупывая фелюги и шхуны, проходящие на приличном расстоянии от флота неверных. Еще хорошо, что обошлось без стрельбы. Днем эскадра вела себя поспокойнее: видимо, слишком уставали за ночь.

– Дон Серджио! Дон Серджио!

– Что тебе, Пьетро? – обернулся к молодому моряку шкипер – плотный, крепко сбитый, с огромными кулаками и окладистой бородой.

– Пожар на берегу, дон Серджио!

Несмотря на обращения в итальянском стиле, оба моряка разговаривали по-русски.

– Значит, сегодня... – Моряк взял лежащий на столике бинокль и уставился на мерцающий вдали на берегу рыжий огонек, увенчанный султаном черного дыма. – И на этот раз они не отменяют нападение, поскольку сигнал экстренный и явно окончательный... Вниз, Пьетро.

Он аккуратно положил бинокль обратно, стараясь не оборачиваться в сторону серых британских кораблей.

Они спустились по трапу в котельное отделение и остановились у люка, который теоретически должен был вести в угольную яму. Но количество и солидность задраек на люке было несколько избыточным для столь прозаической цели.

Несколько матросов, тоже плотных, мускулистых и явно тренированных, поднялись, продемонстрировав прекрасную выправку

– Степаныч, оборудование в порядке?

– Так точно, господин капитан! – отрапортовал один из них, «проглотив» долженствующие завершать обращение слова «второго ранга». – Батареи заряжены, баллоны набиты. Хоть сейчас...

– Сейчас и пойдем, – ответил «дон Серджио», – экстренный сигнал пришел. Дай бог успеть. Идем электрическим ходом, на десяти саженях, по компасу, обратно – по линиям. Вешки-то расставили?

– Обижаете! Два дня рыбаков изображали, пузыри эти топили... Но сейчас ведь...

– Ну да, сейчас день. Но вода грязная, поэтому нас все равно не увидят. К тому же бдительность у британцев после бессонных ночей ослаблена. Самое время нанести визит.

– Кому наносим? – уточнил унтер, щелкнув костяшками мощных пальцев – аккуратно подковы гнуть.

– Флагману, ясное дело. Адмирал Керр флагманский вымпел на «Террибле» поднял. Будем выбивать командование. Глядишь, устроим им неразбериху на пару-тройку суток, чтобы наши на выходе из Босфора успели мины набросать. «Террибл» с «Пауэрфулом» у них самые шустрые. Был бы у нас второй буксировщик или времени побольше, наведались бы и на второй большой крейсер. Но чего нет, того нет. Да и стоит «Террибл» удачно, с самого края.

²¹ Terrible (англ.) – ужасный, кошмарный, жуткий.

– По часам взрывать будем, Сергей Захарыч, или...

– По якорю. С двухчасовой задержкой. До объявления войны они к выходу из Босфора не двинутся. Пока соберутся, выстроятся, потом малыми ходами...

Унтер, ничуть не смущаясь, двинулся в дальний угол и достал из металлического шкафа два массивных топочных колосника с исполненным готическим шрифтом литым клеймом производителя. К каждому из них были привязаны смотанные в бухты линьки.

– Вот, господин капитан, немецкие, как приказывали! Опустим на дно, линьки к чекам... Колосники тяжелые, как только «Тетеря» ход даст, выдернет чеки за милую душу. А если англичане потом на месте стоянки будут искать чего, так и пусть найдут, хоть порадуются.

– Отлично. Пьетро, – распорядился «Дон Серджио», – через сорок минут после нашего отбытия начинайте разведение паров и имитируйте мелкий ремонт. Три удара кувалдой по шпангоуту через каждые две минуты, если у вас все нормально. Если долбить прекратите – это будет означать, что возвращаться нельзя... Тогда будем уходить через Турцию... Шлюз держать открытым. Расстроены, что не идете с нами?

– Так точно... дон Серджио!

– Не расстраивайтесь, молодой человек, успеете еще навоеваться.

Шкипер скинул сюртук и брюки, продемонстрировав впечатляющую мускулатуру. Двое матросов помогли ему надеть поверх шерстяного белья прорезиненный комбинезон.

– Просто мы со Степанычем уже имеем опыт: доставали как-то рельсы, утопленные в устье Гольчихи, лет семь назад... Эх, были времена... Ну и принять нас нужно будет. Думаю, уйти успеем.

– Так точно, дон Серджио! – «Пьетро» выглядел разочарованным.

Степаныч тоже облачился в прорезиненный костюм и внимательно разглядывал галоши с носом, плавно переходившим в перепончатые лапы, на манер лягушачьих.

– Чисто тюлени мы с вами, Сергей Захарыч²², – вздохнул он. – Хотя вещь, надо сказать, дельная.

– Отдраивай, – приказал «дон Серджио», навешивая на спину сверкающий медью баллон в чехле, от которого шел к медному редуктору-загубнику ребристый шланг, и принимая гуттаперчевую маску с толстым стеклом.

Лязгнули запоры, из темного помещения, оказавшегося на месте угольной ямы, повеяло сыростью. Луч электрического фонаря высветил стоящую на кильблоках торпеду раза в полтора длиннее и толще обычной пятнадцатидюймовой, с двумя укрепленными поверх нее сиденьями и щитком.

– Мина в головном рундучке, господин капитан, только три часа, как проверена.

– Отлично. Благодарю за службу, братцы. Пьетро, помните, что делать?

– Так точно, господин капитан! Через сорок минут после вашего отплытия разводить пары и подавать звуковые сигналы ударами кувалды, три удара через две минуты. В случае вашего невозвращения через три часа после отплытия, уходить в Таранто, сдать корабль синьору Томмазо и выполнять его распоряжения.

– Верно, молодой человек. Степаныч, за мной!

Дон Серджио перекрестился и нырнул в люк. Унтер последовал за ним. Молодой офицер проверил задрайки и провернул штурвал; из-за переборки послышался шум наполняющей отсек забортной воды.

– Иван Федорович, – приказал «Пьетро», – оповестите команду. Общую тревогу не поднимать, сбора не устраивать. Командир приказал уйти тихо, значит, уйдем тихо.

²² Сергей Захарович Балк – человек-легенда, командир порт-артурского буксира, но по характеру – прирожденный морской диверсант. Авантюрист до мозга костей, который просто опередил время: такие части на флоте во время его службы просто не существовали.

И тоже перекрестился.

12 апреля 1902 года. Военно-морской госпиталь. Цейлон

– Каждого, кто сравнит меня с лордом Горацио, я отправлю на Шпицберген воевать с белыми медведями, – прошипел Джон Арбетнот Фишер.

Вошедшие в палату офицеры опустили глаза. Шрам, начинающийся на лбу, уходящий под прикрывающую левый глаз повязку и оканчивающийся на щеке, навевал именно такие ассоциации.

– Итак, к делу. Мне нужно знать: почему мы отступили? Неужели я был единственным, кто стремился к победе? Почему мы не гнали русских до тех пор, пока наши орудия не стали, наконец, доставать до портовых сооружений и не разнесли там все к чертям, и уничтожение русских броненосцев не стало только и исключительно вопросом времени и сожженного угля? Я знаю, что мы потеряли три броненосца. Но почему вы не добились того, чтобы их гибель стала оправданной?!

– Разрешите доложить, сэр? Первый лейтенант Дрейер, сэр! – вытянулся возмущительно молодой офицер с висящей на перевязи правой рукой. – Старший артиллерийский офицер на корабле его величества «Ройял Соверен», сэр!

– Помню вас, лейтенант. – Фишер скривился от боли, пронзившей его при попытке улыбнуться. – Докладывайте.

Лейтенант сделал два шага, высунул голову в коридор и скомандовал:

– Завози!

Больничная каталка явно была перегружена. Дрейер четким движением сорвал с нее покрывало.

– Это русский снаряд калибра девять и четыре дюйма, сэр. Обратите внимание, его длина составляет сорок два дюйма, или почти четыре с половиной калибра.

– Сколько же он весит?

– Почти четыреста девяносто восемь фунтов без взрывателя, сэр. Притом что немецкие снаряды, которые я изучал в Гринвиче, весят всего триста десять. Мы нашли его в нашей угольной яме: он пробил палубу, зарылся в уголь и не разорвался. Нам очень повезло, сэр.

– Что у него внутри, лейтенант?

Адмирал поморщился. Дьявол! Он ведь предполагал, что с этими новыми пушками уменьшенного калибра что-то не так... Коварных русских нужно было смести с поверхности моря быстро и решительно, но... Этот снаряд впечатлял и, действительно, не имел ничего общего с кургузыми немецкими поделками...

– Тридцать фунтов тринитротолуола, – продолжил лейтенант. – Судя по всему, это коммон, сэр. Мы демонтировали взрыватель и выплавили взрывчатку на водяной бане. Разведка доложила, что русские закупают это вещество у немцев, и даже приложила небольшую справку относительно его свойств, сэр, поэтому у нас все получилось. Разрешите продолжить демонстрацию?

Фишер кивнул.

На второй каталке лежали несколько крупных осколков, соединенных вместе посредством обожженной глины так, чтобы хорошо видеть форму изделия. Этот фрагмент снаряда был коротким и почти цилиндрическим, без привычного носового сужения, хотя два широких ведущих пояска с косыми следами от нарезов однозначно говорили понимающим людям о том, что до попадания в цель этот снаряд был не короче первого.

– Это бронебойный, сэр. Вероятно, на носу у снаряда имеется коническая нашлапка из мягкого железа, облегчающая проникновение через броню, и тонкостенный баллистический обтекатель, предотвращающий потерю скорости на дальних дистанциях. Эти осколки найдены в котельном отделении «Эмпресс оф Индия». Заряд взрывчатого вещества составляет около

пятнадцати или шестнадцати фунтов. Это эквивалентно примерно шестидесяти фунтам черного пороха, господин адмирал. К сожалению, осколков двенадцатидюймовых снарядов найти не удалось: «Худ» и «Рипалс», которыми они были обстреляны, сейчас на дне.

Фишер прикрыл глаза. Теперь все стало на свои места. Мощь русских девятидюймовых снарядов, считавшихся никчемными, ненамного уступала могуществу снарядов британских тринадцати с половиной дюймовых орудий, а в осколочном или тем более фугасном исполнении даже превосходило его.

И ведь это всего девять с половиной дюймов... Что же за чудовищная мощь спрятана в двенадцатидюймовых снарядах того же «Потемкина»? После гибели первого морского лорда разбираться со всем этим тоже придется ему! Теперь Джон Арбетнот Фишер был уверен: слухи о более чем тысячефунтовых снарядах новых броненосцев царя вовсе не были ложными. Русские стреляли с дистанций, не оставлявших даже надежды на ответный огонь, и делали это, вероятно, благодаря своим чертовым двойным дальномерам. И попадали. Безответно. Безнаказанно.

– Я все еще не согласен с вашим решением, джентльмены, – глухо сказал Фишер. – Думаю, что нам следовало дожимать русских до упора. В конце концов, их погребя не бездонны. Но я не намерен ставить вам в вину этот отход. Боюсь, с этой войной мы или опоздали, или же поторопились. Скорее опоздали. Но теперь придется играть теми картами, что у нас имеются. Я в курсе судьбы Уолли Керра, джентльмены, и знаю, что русские воспользовались нашей нерешительностью на Босфоре.

Я запрошу адмиралтейство об объединении наших эскадр. Если мы перебросим сюда «Маджестики» с «Адмиралами» и новейшие «Формидеблы» канала, вряд ли русские высунут нос из черноморской и балтийской луж. Возможно, мы сможем предпринять вторую попытку, и на этот раз отступления просто не будет, даже если мы все пойдем ко дну. Чтобы построить броненосец, нужно два года, чтобы воспитать моряка – два десятка лет. Но для восстановления нашей репутации и сотни лет будет недостаточно.

Офицеры козырнули и вышли. Фишер с помощью санитара вернулся в постель. Хватит ли у адмиралтейства храбрости бросить турок на произвол судьбы, может быть, даже оголить канал и китайскую станцию, ударить здесь всеми силами – двумя десятками оставшихся у Британии броненосцев? Он боялся, что нет. Особенно сейчас, при отсутствии ясности в положении дел на Балтике и на побережьях Тихого и Северного Ледовитого океанов...

В это же время. Петропавловск

– Прекратить огонь, – скомандовал адмирал Бридж, глядя на почти полностью скрытый дымом берег с пробивающимися кое-где огоньками пожаров. – Хорошая работа, джентльмены. Однако нам пора. Поднимите сигнал: готовиться к отходу.

– Мы уходим, сэр? – удивился командир «Орландо» капитан Берк.

– Да, Джеймс. Думаю, тут уже не осталось ничего, достойного наших снарядов. Только дым и огонь.

– Дым, – усмехнулся Берк. – Но ведь могло так случиться, сэр, что этот дым – результат поджога самими русскими тех штабелей с бочками, назначение которых...

– Так и осталось непонятным, – торопливо и с нажимом закончил за своего подчиненного адмирал, – и абсолютно неважным. Давайте считать, что в бочках была нефть. Или китовый жир. Или что угодно. Главное, что оно, чем бы это ни было, сгорело. Как и весь Петропавловск.

Капитан вопросительно взглянул на адмирала.

– В прошлую войну, – пояснил тот, – я уже атаковал русские берега, правда, не здесь, а на Кольском полуострове. Мы с легкостью разнесли деревянный острог, сожгли половину Архангельска, но когда морская пехота высадилась на берег, русские ждали наших парней и

разбили их. Впрочем, там у нас все прошло немного лучше, чем здесь. Меня не прельщают лавры адмирала Прайса²³.

– Вы не чистили перед боем пистолет, сэр, – усмехнулся капитан. – Вряд ли вам грозит та же судьба.

– Пистолет все-таки менее опасен, чем орудия. Какой процент боекомплекта вы уже расстреляли, Джеймс? По сорок снарядов на пушку?

– Да, сэр, согласно приказу.

– А сколько снарядов израсходовали крейсера русских? И сколько их было?

– Два, сэр! Я опознал «Нахимов». Кстати, судя по всплескам, они перевооружили их на шестидюймовки, как у наших «Имперьюзов». ... Второй вроде бы «Корнилов». Мне показалось, что шестидюймовки на нем тоже новые. ... Они дали всего по десятку залпов и скрылись за дымовой завесой.

– За дымом пожаров, Джеймс. «Корнилов» тоже горел. Но, по данным разведки, крейсеров должно было быть восемь. Их новые быстроходные транспорты, угольщики и ледоколы тоже несут по шесть орудий среднего калибра и наверняка уже подняли крейсерские флаги. Не то чтобы они были так опасны, но их тут не оказалось. Как вы думаете, куда они ушли?

– Ледоколы я бы отправил в Северный океан, – пожал плечами капитан. – В условиях войны проход арктическими морями становится еще более актуальным.

– Именно. Возможно, оба угольщика и оба транспорта пойдут с ними, но...

– Вы считаете, что они могут отправиться навстречу эскадре адмирала Макарова?

– Это вполне вероятно. Мы не знаем направления и, судя по частому упоминанию Владивостока, туда – вряд ли. А если они пойдут сюда, то будут здесь уже завтра. ... Против четырех наших броненосных крейсеров русские могут выставить «Громовой» и пять быстроходных, уж точно не медленнее наших, стариков-броненосцев. Тогда против четырех наших бронепалубников у них будет восемь, не уступающих нам по боевой мощи. Забавно, что в случае встречи с обеих сторон будет по «Диане» и «Авроре». Действительно, забавно, но вряд ли этот курьез оправдывает уничтожение нашей эскадры.

– Мне тоже не хочется встречаться с мистером Макаровым с пустыми погребками, сэр. Собственно, мне вообще не хотелось бы сталкиваться с ним при таком соотношении сил.

– Именно поэтому мы удовлетворимся полным, вы слышите, Джеймс, полным сожжением города и угольных складов! Что, собственно говоря, уже состоялось. И этот дым будет тому свидетельством.

Адмирал устремил свой взгляд на палубу, где кто-то из младших офицеров старательно фиксировал картину затянутого черными клубами берега с помощью массивной деревянной фотокамеры.

– Я полагаю, эти снимки станут достаточно впечатляющим свидетельством для истории, – задумчиво произнес он, – и доказательством для тех идиотов, которые раздвигают наши силы так, что мы не в состоянии достичь решительного преимущества ни в одной точке.

– С другой стороны, мистер Макаров вполне мог бы пойти и в Австралию, сэр, – возразил капитан Берк. – И отправка броненосцев адмирала Сеймура на юг вполне логична, не так ли?

– Будь «Центурионы» здесь, русская эскадра отправилась бы туда почти гарантированно, с весьма тяжелыми для нас последствиями. Мы вынуждены защищать слишком много позиций одновременно, Джеймс. А русские тоже умеют считать, и радиостанции у них, к сожалению, лучше наших. Узнав, что все наши свободные силы атакуют эту деревню-переросток, Макаров неизбежно сложил бы два и два. ... Ну почему, почему эти идиоты никогда не учат

²³ Контр-адмирал Дэвид Прайс во время Крымской войны возглавлял англо-французскую эскадру и застрелился перед самой атакой Петропавловска.

историю?! – воскликнул адмирал, страсть которого к историческим штудиям была широко известна. – Надеюсь, старине Уолкеру в Мурманске повезет больше, чем нам в свое время...

В это же время. Мурманск

Мурманск полыхал. Горели деревянные дома и здания мастерских, причалы, исходили ярким пламенем и черным дымом угольные склады. В пяти милях к норду, прямо напротив Белокаменки, горел новейший ледокол «Федор Литке», вынесенный ударом броненосного тарана «Санс Парейль» на отмель и только потому окончательно не затонувший. Лениво тлел и сам «Санс Парейль», поймавший сразу после тарана два снаряда с железнодорожной мортирной батареи. Она первым эшелонам была переброшена на Север, когда предназначенная для защиты нового российского порта береговая артиллерия отбыла неразгруженной в неведомые дали.

Еще два похожих на него корабля, «Конкерор» и «Хиро», чуть поменьше, но тоже с единственной орудийной башней в носу и выдающимся вперед массивным тараном, не горели. Из их коротких двенадцатидюймовых жерл каждые пять минут вылетали языки порохового пламени в тщетных попытках нащупать надоедливую батарею.

От взрывов снарядов горел редкий полярный лес, и клубы дыма надежно скрывали дюжину миноносок, укрытых рыбацкими сетями с навязанными на них ветками и кусками мешковины почти в самом устье Ваенги, еще восточнее. По сравнению с громадой английского броненосца кораблики выглядели несерьезно, да и технические их данные не слишком впечатляли. Единственным достоинством было то, что в случае нужды их можно перебрасывать хоть в трюмах кораблей, хоть по железной дороге, что и сделали в преддверии войны.

– Что «Рюрик»? – спросил лейтенант с надменным лицом у другого моряка, чуть постарше, с погонами инженера-механика.

– Говорят, не дошел до Кильдина. Влепили ему в румпельное, пытался машинами управляться, но где там! Подошла «Галатея» и торпедами добила. С острова передали: семерых спасли, а из офицеров – никого.

Лейтенант отвернулся. Видимо, от дыма у него защипало глаза.

– Позор, – наконец сказал он. – Просто позор, Василий Васильевич. Последний год только и говорили, что о войне, а у нас все не слава богу. Мины якорные есть, но ставить их не велят, чтобы не нарушать собственное судоходство. Даже торпеды есть, пусть и старые, а головные части только учебные: боевых не довели-с. И привозят их аккуратно в момент, когда британцы начинают станцию обстреливать. Как так?

– Как обычно, – вздохнул инженер-механик. – Я читал сборник статей по Крымской, очень похоже, знаете ли. Либо купили британцы интендантов наших, чтобы те перепутали все, либо, что вернее, обычная наша безалаберность да авось с небось. Понадеялись, что все броненосцы у британцев заняты и гнать их в такую даль не будут, а они вон что учудили! Собрали все старье, да и этого нашей худосочной эскадре с избытком хватило. Хорошо хоть «Светлана» ушла, пока они «Рюрика» убивали... Был у вас на «Рюрике» кто-то? Родственник?

– Друг, – кивнул лейтенант, – Филиппов Дмитрий. В Корпусе вместе учились. Все за первенство спорили: то он первым по списку, то я... А теперь вот...

Инженер-механик поднял руку, чтобы перекреститься, но замер, развернувшись лицом к лесу.

– Идут, – сказал он, присев на корточки.

Лейтенант последовал его примеру. Матросы, залегшие за корягой, пошевелили рылом старого, под бердановский патрон, «максима».

Из-за деревьев показалась одетая в железнодорожную тужурку фигура. Человек остановился и помахал руками.

– Эгей! Есть кто? Сорок семь, господа моряки! – крикнул он.

– Пятнадцать, – ответил лейтенант.

– Ага, – удовлетворенно кивнул штатский. – Как и сказывали. Позвольте представиться, господа: коллежский советник Образцов Владимир Николаевич, начальник путевой службы Мурманской дороги.

– Лейтенант Колчак Александр Васильевич, – представился офицер.

– Инженер-механик Зверев Василий Васильевич, – кивнул моряк постарше. – Чем порадуете, Владимир Николаевич?

– Немногим, господа, – вздохнул железнодорожник. – Откатали мы руками ваш литературный вагон по лесозаводской ветке, туда англичане не стреляли. Ну а дальше-то как? Удалось собрать два десятка лошадей, притом без телег. Поэтому взяли только то, что навьючить смогли, а это не больше шести пудов на лошадку: чай, не вагон и даже не вагонетка.

Моряки разочарованно переглянулись.

Тем временем на лесной тропинке показалась низенькая местная коняшка, которую вел под уздцы парень в поморской одежде, за ней еще и еще...

– Владимир Николаевич, – прохрипел лейтенант, взглядевшись в длинный деревянный ящик, венчавший выюк первой лошади. – Дорогой вы наш человек! Да вы не представляете, что вы сделали! Боцман! – крикнул он в сторону корабликов. – Общий аврал! Мины привезли, метательные! Мины, понимаете! Как же вы угадали-то?!

– Да, собственно, мы и не угадывали. Просто эти мины поменьше. Те, что побольше, Уайтхеда, на лошадь не навьючишь, а эти удалось, хотя и с трудом.

– Свиридович, всех свободных сюда! Давай, братцы, освобождай лошадок, заряжайте аппараты! Ну, господа британцы...

– Далеко ли такая мина идет? – почему-то шепотом спросил путеец у инженера-механика, наблюдая, как матросы с матом и криканьем заряжают похожие на рыб мины в установленные на носу корабликов трубы.

– Сначала по воздуху летит сажень на двадцать, – так же тихо ответил тот, – а потом еще столько же под водой: форма у нее специальная, обтекаемая.

– Так вы должны приблизиться к вражескому кораблю на сорок сажень? – охнул путеец. – Это же верная смерть!

– Не такая уж верная, – не согласился инженер-механик. – С шестовыми минами вообще на три-четыре подходить приходилось. И с метательными, конечно, опасно, но... Служба, знаете ли. И долг. К тому же мы ночью пойдем, глядишь, и повезет кому, а маневрировать британским броненосцам тут особо негде: залив-то пару миль шириной, не больше. Хоть одного да достанем, а повезет, так и двух. Не должны они отсюда после такого погрома уйти, никак не должны. Ведь даже по госпиталю стреляли, ироды!

– Крейсер! Крейсер с моря идет! – прокричал сигнальщик с устроенной в развилке кривой сосны наблюдательной площадки. – Похоже, «Галатея», вашбродь! Побитая! И с ей два транспорта, по всему – войсковых! Медленно идут, узла три всего, через час тут будут!

– «Галатея» – это хорошо, просто замечательно! Особенно побитая. Значит, противоминная артиллерия у нее частью не действует. А транспорты – так и вообще как яйцо ко Христову дню! Ветер... – лейтенант посмотрел на верхушки деревьев, – ветер с оста – то что надо. Шалько! Дымовые шашки разнести по берегу, поджигать по команде! Разводить пары, готовиться к атаке из-под дымовой завесы. В Ягельное передать: пусть выходят и перегораживают минами весь фарватер. Если повезет, британцы еще и «Австралию» с позиции в горле залива сдернут и на подмогу пошлют, когда мы тут тарарам устроим. Вот все их силы разом и запрем. Все там засеять, сколько мин хватит. Чтобы никто не ушел! «Светлана» вернется – поможет при нужде. Ну а вы, Владимир Николаевич, возьмите с собой нашего механика...

– Александр Васильевич...

– Отставить, инженер-механик Зверев! Без вас паровозникам не справиться. Подумайте, как удобнее: либо только боевые части на лошадей выючить (в них как раз пудов шесть будет), либо целиком торпеды на волокушах тащить. Дотащим до берега – погрузим на лодки и переправим к ягельным. Когда британцам выход в море перекроем, все наши большие миноносцы уже при оружии должны быть. Вы уж, Василий Васильевич, постарайтесь...

* * *

Из одиннадцати рванувшихся в самоубийственную атаку миноносок не вернулся никто. Из зашедших в длинный Кольский залив кораблей его величества вырвались только «Австралия», два шлюпа и таранный броненосец «Конкерор». Последний черпанул слишком низким для открытого моря бортом волну и затонул на подходе к Шпицбергену.

Из двух батальонов и полевой батареи Горской легкопехотной бригады, срочным порядком развернутой в Глазго всего три месяца назад и посаженной на мобилизованные транспорты, в Шотландию вернулось меньше четверти, и то не сразу.

15 апреля 1902 года. Виндзорский замок

– Ваше величество, – министр иностранных дел Великобритании пятый маркиз Лансдаун коротко поклонился, – информирую вас, что посол при дворе короля Кристиана успешно выполнил ваше поручение.

– Роберт, напомните мне имена тех джентльменов, что оповестили мир о сумасшествии Николая, – обратился король к своему премьер-министру. – Сколько бы мой несчастный племянник ни опровергал эти... слухи, но даже его собственный дед настолько боится русского медведя, что пошел против воли собственной дочери. Итак, Борнхольм наш?

– Да, сир. Аренда на сорок девять лет с возможным продлением таковой, в случае если за десять лет до окончания срока аренды Россия или иные балтийские державы все еще будут угрожать Дании.

– Иные державы?

– Признаться, решающим аргументом были запущенные нами слухи о том, что на Борнхольм точит зубы Вильгельм. У Глюксбургов с Гогенцоллернами даже более старые счеты, чем у Франции. Поэтому столь удобная для нас оговорка стала инициативой датского парламента, сир.

– Вот как... Ну что ж, логично. И Борнхольм, действительно, тяготеет скорее к Пруссии, чем к России. Поэтому не стесняйтесь обустроить остров самым серьезным образом, маркиз Солсбери. Думаю, первый лорд адмиралтейства будет рад поддержать вас в этой благородной миссии.

– Корабли с королевскими инженерами и строительными материалами уже в пути, сир, – поклонился Солсбери. – И адмиралтейство проявляет огромную заинтересованность в этом проекте. Но финансы...

– Если вам, маркиз, нужна поддержка оппозиции по вопросу выделения экстренных сумм, я готов провести несколько встреч и убедить этих джентльменов в крайней выгоде совершенной нами сделки для всей Британии. Мы желали бы видеть на Борнхольме балтийский Гибралтар, не меньше. Ведь и через тридцать девять лет кто-то обязательно будет угрожать этому столь удачно расположенному острову. Если не Россия, которую мы намерены все же призвать к... более скромному поведению, то Германия или даже Швеция.

– Я как раз хотел поговорить с вами о Швеции, сир, – склонил голову маркиз Лансдаун. – Сама по себе аренда Борнхольма уже вызывает определенное беспокойство в шведских политических кругах, особенно в сочетании с аннексией нами Шпицбергена...

– При чем тут Шпицберген? – удивился король. – Он есть, точнее, был до сегодняшнего дня терра нуллис – земля незанятая. У шведов, как, впрочем, и у русских, было достаточно времени, чтобы заявить и подкрепить свои права на этот архипелаг. Если же они не в состоянии освоить эти земли, им не следует мешать сделать это тому, кто может и готов использовать острова на благо цивилизации. К тому же шведы, как мне кажется, будут не прочь вернуть другие, ранее принадлежавшие им земли.

– Петербург, сир?

– Думаю, Петербург вполне может стать международным селтльментом наподобие Шанхая. Вряд ли Швеция сможет в одиночку контролировать миллионный город, населенный многочисленными туземцами, даже если их поголовье уменьшится в два-три раза. Балтийские ворота в Евразию – слишком большая ответственность для королевства, испытывающего немалые проблемы с единством территорий. А вот Финляндия, Выборг, Нарва – почему бы и нет? Я не тешу себя надеждой, что шведы поддержат наши военные усилия, хотя это было бы крайне желательным, но снять с наших плеч бремя управления освобожденными от варварства территориями они, полагаю, не откажутся. И это будет вполне приемлемая компенсация за несколько обледенелых скал.

– Ваша аргументация вполне резонна, сир, – согласился маркиз. – Однако следовало бы донести ее и до шведских правящих кругов. А ваш посол в Стокгольме...

– Хорошо, я приму этого джентльмена сегодня же вечером, с тем чтобы уже завтра он отправился к месту службы. Но вы уверены в его способностях?

– В настоящее время нам нужны не способности, а просто присутствие. Но я, разумеется, обдумаю ваши слова, сир. Возможно, послу Гошену следует проявить свои несомненные таланты чуть севернее...

– Хорошо. Итак, мы получили Борнхольм для базирования наших сил. Что дальше? Мы идем к Либаве? Кстати, как развиваются наши операции на других театрах? Мы уже вошли в Черное море? Бендер-Аббас копенгагирован?²⁴ Японцы уже высадились во Владивостоке?

– Граф Селбурн и генерал Сеймур уже ждут вас в приемной, сэр. Мне бы не хотелось отнимать у них хлеб, – потупился маркиз Солсбери.

Его величество король Англии Эдуард VII подумал, что вряд ли совместный доклад флота и армии будет радужным, иначе премьер-министр не преминул бы заработать пару очков престижа. Что ж, когда приходится реагировать на действия готовящих вторжение врагов в такой спешке, ошибки и накладки неизбежны.

– Благодарю вас за добрые вести, джентльмены. Но теперь я вынужден уделить внимание моим морякам и солдатам... И все же что-то меня гложет... Вот прямо сейчас, когда мы занимаем Борнхольм и Шпицберген, не совершают ли аналогичную операцию полномочные представители русского престола?

– Не извольте беспокоиться, ваше величество! Мы контролируем ситуацию! Любое подобное действие русских превратится для них в последний парад!

В это же время. Бонин. Остров Иводзима

Весь серо-голубой, адмиральский катер ткнулся в кранец у борта посаженного на грунт японского пароходика. Даже блестящие в обыкновенное время медяшки, гордость и отрада боцмана, были выкрашены в сливающийся с волнами цвет.

²⁴ В начале XIX века Дании не повезло, причем дважды по одному и тому же сценарию. Оба раза с моря появлялись англичане и требовали отдать им флот, угрожая в случае отказа применить силу. И применяли! Так и появился этот термин – констатирование.

Адмирал Макаров первым поднялся по сброшенному штормтрапу: парадного адмиральского на старом трампе не было и в помине. Не очень-то и надо. Он потряс головой: огни газорезок и грохот сносимых кувалдами и такой-то матерью надстроек ошеломляли.

– Господин адмирал, инженерная команда Первого батальона морской пехоты заканчивает оборудование временного пирса! – отрапортовал одетый в черную форменку офицер с тонкими, мягкими чертами лица и пронзительным, умным взглядом голубых глаз под козырьком флотской фуражки. – Окончание работ ожидается через семнадцать часов!

Макаров оглянулся. Еще один стоящий вплотную и уткнувшийся в берег парходик, поменьше, уже щеголял почти полностью гладкой палубой, укрытой лежневым бревенчатым настилом. Единственной выдающейся деталью оставались шлюпбалки левого борта. Дюжина морских пехотинцев крутила ворота, поднимая прямо с воды длинное бревно, доставленное с транспорта одним из снующих туда-сюда моторных катеров. На берегу маминский трактор с бесконечной звенчатой лентой вместо колес сгребал здоровенным отвалом грунт и камни, выводя пологую насыпь на уровень палубы. Еще один такой же трактор стоял в сторонке, и инженеры в промасленных рабочих рубашках ковырялись в моторе.

– Не буду вас торопить, Михаил Петрович...

– Все понимаем, Степан Осипович, работаем изо всех сил. Через семнадцать часов можно будет пушки сгружать.

– Добро. Шестидюймовки сейчас в Коминато и Копепе разгружают, на плотиках, а вот крупный калибр получится сгрузить только здесь, да-с. Только скажите, где лейтенант Берлинг?

– На берегу, господин адмирал. Два часа назад они закончили с мачтой, но не знаю, удалось ли наладить аппараты.

– Хорошо, Михаил Петрович, не смею вас больше задерживать.

Адмирал в сопровождении двух штабных и четырех возникших неведомо откуда морских пехотинцев перешел по солидному, укрепленному скобами настилу на парходик поменьше, а затем, воспользовавшись срубленным из жердей трапом, спустился к подножию насыпи.

Радиорубка располагалась в наскоро срубленной и обшитой досками хижине. Начальник связи временной базы лейтенант Берлинг выскочил из прикрытого парусиной дверного проема, когда адмиралу оставалось пройти не больше полусотни саженей.

– Господин адмирал, – улыбка офицера была почти детской, – получена радиограмма! Я связался с «Пересветом», но мне сказали, что вы отбыли...

– К вам-то я и отбыл, Роберт Иванович. Ну-с, что у нас там?

– Подтверждено прибытие в Сасебо трех поврежденных японских броненосцев – «Хатсусе», «Ясимы» и «Танго». Постановка в доки будет завершена послезавтра. «Микаса», «Якумо», «Ивате» и бронепалубники по непроверенным данным идут в Нагасаки и Токио.

– Значит, Сасебо, – задумчиво произнес адмирал. – Штаб не сообщал, как там насчет корректировщика? Хотелось бы, знаете, торжественно! И последний парад, и прощальный салют – чтобы все было по высшему разряду!

– В готовности, – отрапортовал лейтенант. – Не изволите ли к аппарату, господин адмирал? Связь достаточно устойчивая, со второго или в крайнем случае с третьего раза и принимаем, и передаем!

– Изволю, – усмехнулся Макаров. – Великое дело это радио, не так ли, лейтенант? И... Выражаю вам и вашим людям свое удовольствие. Что-нибудь слышно про «Ретвизан» и «Громобой»?

– В соответствии с указанием Ставки корабли идут в режиме радиомолчания, но по расчетам они уже должны быть в Сангарском проливе...

В это же время. Сангарский пролив

Три новеньких, с иголочки броненосных красавца, гордость японского флота крейсера «Идзумо», «Асама» и «Адзума» устало резали свежую волну Сангарского пролива, потеряв всякую надежду на перехват русских бронепалубников, отправленных гайдзинами шакалить на торговых линиях Страны восходящего солнца. Здесь же, между островами Хоккайдо и Хонсю, должна была пройти эскадра Макарова. Отряд имел распоряжение и на этот случай, не ввязываясь в бой, сопровождать русские корабли, наводя на них броненосцы Того.

Но водная гладь, насколько хватало обзора, была до обидного скучна и безлюдна. Командир лидера, капитан первого ранга Нарито Кацура, ломал голову над этой загадкой. Что случилось? Почему не видно русских? Ошиблась разведка? Гайдзины поменяли свои планы? Прошли другим проливом? Просочились в утреннем тумане? Да нет, невозможно! Сангары – это всего десять миль в ширину и пятьдесят в длину. Четыре корабля, развернутые строем пеленга, плотно перекрывали его от берега до берега – мышь не проскочит... Значит, только ждать...

К вечеру изрядно посвежело. Ветер стал колючим и почти зимним. Капитан поежился, прикрыл глаза, утомленные многочасовым наблюдением за горизонтом и в голову сами собой пришли поэтические строки:

Ueno hatsu no yakou ressha orita toki kara
Aomori eki wa yuki no naka
Kita e hito no mure wa dare mo mukuchi de
Uminari dake wo kiite. Watashi mo hitori renrakusen ni nori
Kogoesou na kamome mutsume naite Aa fuyugeshiki²⁵

– «Тацута» возвращается, – негромко произнес вахтенный, заметивший шустрый авизо.

Капитан коротко кивнул, не открывая глаз, плавно пружиня на качающейся в такт волнам палубе, и опять погрузился в поэтический транс.

Sayonara anata watashi wa kaerimasu
Kaze no oto ga mune wo nake to bakari ni
Aa fuyugeshiki²⁶

– «Тацута» передает – дымы на горизонте! – уже другим, тревожным тоном оповестил капитана вахтенный. – Два корабля, три и четыре трубы, следуют в кильватере! Капитан Ретаро предполагает – «Пересвет» и «Громовой»!

– Ну наконец-то! – моментально стряхнув с себя поэтическое наваждение, прошептал капитан Кацура. – Поблагодарим Аматаэрасу и помолимся, чтобы русские не смогли уклониться от боя. – И уже громче, так, чтобы слышали подчиненные: – Доложить адмиралу о визуальном контакте с противником!

– К нам пожаловал господин Макаров? – коротко осведомился Камимура, появившись на мостике.

– Нет, господин адмирал, только два крейсера, даже без сопровождения миноносцев. Больше никого, горизонт чист! Кроме того, русский беспроволочный телеграф молчит. Такое впечатление, что на этих двух кораблях вообще не установлены станции...

– Странно... – Камимура задумался. – Два одиноких рейдера вблизи наших берегов... Без сопровождения и без связи... Или это отвлекающий маневр, или в штабе Макарова завелся

²⁵ С того момента, как я сошел на АомориС ночного поезда, идущего из Уэно, Меня окружает снег. Возвращающиеся на север людиВ молчании слушают шум волн.

²⁶ Прощай, я уезжаю домой. А вой ветра пронизывает сердце, Словно говорит мне: «Плачь, плачь...» Сангарский пролив зимой.

двоечник. Артиллерийский офицер! Что можете нам сообщить об огневых возможностях противника?

– Головной «Пересвет» – четыре орудия главного калибра по девять и четыре дюйма. «Громовой» – аналогичное вооружение, но более скромное бронирование – шесть дюймов против девяти. После модернизации радикально сокращен средний калибр. Оба корабля несут всего по три шестидюймовых орудия на каждый борт.

– Какая же это модернизация? – покачал головой капитан Кацура. – Это разоружение! Наверно, у русского царя совсем плохо с артиллерией и артиллеристами...

– Ну что ж, – удовлетворенно кивнул Камимура, – идем на сближение и внимательно следим за горизонтом. Если наши предположения верны и Макаров не использует эти крейсера как наживку, тогда главное – не дать им уйти! Поднять пары до максимума! Средней артиллерии – вести огонь по небронированным конечностям! Пристрелку начинать с сорока кабельтовых!

Произнеся последние слова, адмирал поморщился. Русские у Владивостока начинали стрелять, и самое противное – попадать, на дистанции вдвое большей. Но у них там были береговые корректировщики, а здесь такой бонус отсутствует. Слабое место – недостаточная обученность японских экипажей, осваивающих новые корабли, – с лихвой компенсируется огневым преимуществом. Двенадцать восьмидюймовок главного калибра и сорок две шестидюймовки среднего не оставляли гайдзинам ни единого шанса на благополучный исход боя, а преимущество японских крейсеров в скорости на два узла не давало надежды даже на бегство. А посему, тэнно, хэйка банзай! Атака!

* * *

– Головным вроде бы «Идзумо», Эдуард Николаевич... Точно «Идзумо». За ним – «Асама» с «Адзумой» и кто-то из «собачек». Броненосцев не видать. Вот только что ж он прет на нас, как купчина на буфет?

– За «Пересвет» принял, Николай Иванович. Не вижу иного варианта. А «Пересветы» у британцев да японцев не слишком котируются, да-с. Вот и выиграло у самураев ретивое, так полагаю.

– И то верно. Видимо, не дошли до японцев вести о вашем новом «украшении», – мотнул подбородком мрачный моряк с контр-адмиральскими погонами, указывая на довольно таки уродливую коробку командно-дальномерного поста, расположившуюся на боевом марсе вместо срезанной мачты. – Вот и приняли вас за Бойсмана. Командуйте, Эдуард Николаевич!

– Сигнальный! «Громобою» держаться позади. Котлы раскочегарить, быть готовым дать полный ход, когда они удирать начнут.

– Не хотите спугнуть, Эдуард Николаевич?

– Не хочу. Огонь откроем с сорока кабельтовых, проверим, достижимы ли с этой бандурой пятнадцать процентов попаданий на такой дистанции. А пока пожалте в рубку, Николай Иванович. Если я вас не уберегу после того, как вы нас через полсвета провели, мне государь лично голову оторвет. Да вы не грустите, господин адмирал, к тому все идет, что из наших мы с вами первыми счет откроем.

– Дай-то бог, Эдуард Николаевич, дай-то бог. И что же господин Камимура здесь забыл, без единого броненосца?

– Думаю, наши разговоры в Жемчужной гавани сыграли. Степан Осипыч приказал не скрывать, куда мы направляемся... Англичане после Монтевидео и Мадагаскара на всю голову пуганые. Они или чисто на всякий случай крейсера послали, не веря, что мы и правда сюда пойдем, или океан сторожат. Ведь наши бронепалубники у всего японского побережья шумят. Эй, на дальномерах! Заснули?!

– Дистанция до головного пятьдесят, скорость сближения четыре в минуту!

– С сорока открываем огонь средним калибром, – распорядился командир броненосца. – КДП, вносите поправки.

Через полторы минуты носовая башня и борт первого японского крейсера расцвели вспышками – залп лег с небольшим перелетом. А еще через пятьдесят секунд носовой плутонг левого борта самого «Ретвизана» глухо ухнул, отправляя в полет три пятидесятикилограммовых снаряда.

Еще секунд через пятнадцать звякнул звонок, и телефонист доложил:

– На первом тридцать девять, недолет два, по целику – лево три!

Пушки ухнули снова, игнорируя пенные столбы от японских снарядов, образовавшиеся на сей раз с сильным недолетом.

– На первом тридцать шесть, перелет ноль пять, по целику хорошо!

– Еще два залпа – и открывайте огонь главным калибром, – распорядился Щенснович. – Будьте готовы к тому, что после первого, край после второго залпа, японцы пойдут на разворот и попытаются удрать: всплески от наших снарядов ни с чем не спутаешь. На «телефункене»! Через двадцать секунд начинайте глушить эфир. Передадите приказ «Громобою» на преследование или мне распорядиться, Николай Иванович?

– Командуйте, капитан, командуйте. Как думаете, не уйдут?

– От «Громобою» с его свистелками? И когда у него ямы только на четверть полны? Ави́зо, может, и уйдет, а вот броненосные... Нет, не убегут, господин адмирал, ни при каких обстоятельствах. Даже если «Громобою» ход собьют, у них перед нами всего два узла преимущества, а значит, с сорока до восьмидесяти кабельтовых они час отрываться будут. При десяти процентах попадания мы в них два десятка снарядов вколотим, а Дабич – все три.

Адмирал кивнул. По всем расчетам выходило, что совершившие ошибку японские броненосные крейсера подписали себе смертный приговор.

Капитан тем временем продолжал:

– И не обижайтесь вы на Степана Осипыча, господин адмирал, он и сам очень хотел во Владивосток. Опять же, пакет под императорской печатью так просто в собственные руки не дают. И ждут вас, Николай Иванович, большие хлопоты. Ну а мы под вашим флагом таких дел натворим...

Адмирал Небогатов, слегка приободренный после внезапной, как ему казалось, и уж совершенно точно незаслуженной опалы, державшей его в депрессии с самых Гавайских островов, криво усмехнулся, но ответить не успел: обе башни главного калибра жажнули так, что все в рубке инстинктивно присели.

* * *

– Что это? Как это?... – ошеломленно произнес Камимура, упершись взглядом в гейзер, взметнувшийся перед носом «Идзумо». Его размеры не оставляли никаких иллюзий насчет главного калибра русского корабля. Такой всплеск могут оставлять только двенадцать дюймов...

– Это не «Пересвет», – с каменным лицом произнес стоящий рядом с адмиралом капитан Кацура, – это...

Грохот взрыва и треск падающей мачты заглушили слова офицера. По броне боевой рубки будто кто-то ударил гигантским молотом, и через смотровые прорези командный пост заволочло дымом занимающегося пожара.

«Слава Амата́расу! Попадание пока только шестидюймовыми, – холодно и как-то отстраненно резюмировал мозг адмирала. – Быстро пристрелялись! Хотя чему тут удивляться? По докладам разведки, почти все комендоры русских служат сверхсрочно, а в боевых похо-

дах к наводке орудий допускаются только имеющие специальный знак отличия „За меткую стрельбу“...»

– Передать адмиралу Того: наткнулись на русские броненосцы, ведем бой, просим помощи! – скомандовал он, перекрикивая подчиненных.

– Эфир забит помехами! Передача невозможна!

– Семафор на «Тацуту»: выйти за пределы действия русского беспроволочного телеграфа, продублировать просьбу о помощи!

– Господин адмирал! Русские увеличили ход до восемнадцати узлов и перестраиваются пеленгом!

– Разворот «все вдруг»! Выходим из боя! – успел крикнуть Камимура вахтенному офицеру, прежде чем крейсер вздрогнул всем корпусом, будто наткнулся на невидимую стену...

* * *

– Вы были правы, Эдуард Николаевич, – усмехнулся Небогатов. – После второго же залпа Камимура нам корму показать попытался. А ведь поздно уже?

Двенадцатидюймовки громыхнули в четвертый раз, и «Идзумо», ставший после поворота «все вдруг» из головного замыкающим, снова дернулся.

– Пробили пояс ему, Николай Иванович, и вроде как в котельное вlepили, – согласился Щенснович. – Парит и отстает.

– На «телефункене»! – распорядился адмирал. – Прикажете «Громобою» ускориться и следовать впереди уступом вправо. Огонь вести по второму, а нам сейчас надо флагман добить. Эка он неосторожно-то... – Казалось, адмирал сокрушается по поводу ошибки противника.

– Бронепалубный «Тацута», – доложил начальник сигнальной вахты, – набирает ход. Видимо, рассчитывает выйти из-под помех и вызвать помощь!

– Надо было все-таки уговорить Степана Осипыча нам «Богатыря» с «Витязем» отдать, – вздохнул Щенснович. – Сейчас бы их как раз в погоню отрядили.

– Согласен, Эдуард Николаевич, – кивнул командир «Ретвизана».

Он сказал что-то еще, но собеседник его не расслышал: сразу несколько снарядов, как минимум один из которых был восьмидюймовым, разорвались на броне русского корабля.

– Шестидюймовку нам сбили, – доложил старший офицер. – Хорошо хоть фугасом: ствол, конечно, к чертям, и пятеро легкораненых.

– «Громовой» попал! – радостно вскричал один из сигнальщиков. – Под корму «Асаме»! Японец сбавляет ход! Пятнадцать узлов у него, отстает от головного!

– Передайте Дабичу: перенести огонь на «Адзуму», – распорядился Небогатов. – Даже если «Тацута» сбежит, то эти уже не должны. Эх, почему у нас не шесть стволов на борт... Две башни наподобие береговых владивостокских, да стволы калибра пятьдесят...

– Только после войны, – вздохнул Щенснович, когда прогремел очередной залп обуховских орудий. – И снова попадание! Двадцать пять процентов по окончании пристрелки – совсем, скажу я вам, недурно!

– Ну, с такой-то дистанции – невелико умение, – отмахнулся Небогатов. – Хотя, конечно, отлично...

– Японцы вправо ворочают, вашвскбродь! – крикнул один из сигнальщиков. – «Все вдруг»!

– Поняли, что не уйти им уже... А флагман бросить – позор для самурая... Подавайте сигнал: пять румбов вправо, последовательно. Спрячем за собой «Громовой», чтобы ход ему не сбили... Пока они все втроем на нас идут, отходим, держимся вне досягаемости среднего калибра, а если они задумают разделяться, чтобы господину Камимуре дать уйти, вот тогда

на них пойдем. Тут уж без вариантов. А пока вы, Эдуард Николаевич, кормовой башней поработайте...

– Поработаем, а как же. А ведь «Идзумо» уже вполне заметно кренится...

– Да, не жалец. Удачно... Пожалуй, что и хватит ему на пока. Давайте-ка вместо этого мы тоже в очередь с Даби-чем по «Адзумо» пристреляемся, раз уж прицел все равно сбился. «Идзумо» и «Асаму» мы уже прилично общипали, а эта нетронута еще. – Небогатов поводил стереотрубой. – У Владивостока ей, похоже, досталось немного. Вон следы пожаров виднеются, и повреждены два шестидюймовых каземата...

– Перейти на коммоны, – приказал Щенснович артиллерийскому офицеру. – Броня у «Адзумы» худшая из всех троих. Оно и получше будет, если туда сам господин Того пожалует со всем, что у него уцелело. А его коммонами не шибко-то возьмешь...

* * *

Того не успел. Когда «Громовой» и порядком подкопченный «Ретвизан» закончили сбор уцелевших японцев с воды (увы, адмирала Камимуры среди них не оказалось), сигнальщик заметил дымы, пятнающие багровую полосу заката. Ночь приближалась значительно быстрее японских броненосцев, и все три броненосных крейсера так и остались неотомщенными, а Владивостокская эскадра получила необходимое ей усиление, хотя и не такое большое, как надеялся Иессен.

Вытащенный из прохладной весенней воды чудом выживший командир крейсера «Асама» капитан 1-го ранга Накао Юи, сидя в адмиральском салоне «Ретвизана», отсутствующим взглядом смотрел в иллюминатор на волны Сангарского пролива, а в голове его назойливо крутилось хокку.

Вымпелы выются,
В ряд орудия к бою.
Последний парад наступает!

15 апреля 1902 года. Токио

Императора Муцухито можно смело назвать японским Петром I. При нем не только изменилась политическая система, появились новая промышленность, армия и флот, но и европеизировался весь народный быт. А он был настолько далек от европейского, что японец, извините за такие подробности, принимал ночной горшок – нет, ни за что не догадаетесь! – за то, что надо класть под голову во время сна, вроде подушки.

Все изменилось меньше чем за десять лет. Япония впитала в себя все европейское, умудрившись не потерять свою самобытность. Конечно же, для таких кардинальных перемен в частной жизни необходим авторитетный пример. И Муцухито охотно подавал его, нарушив вековое правило «никто не должен видеть лицо императора». Он стал первым монархом, кого можно было лицезреть всем смертным.

Личная жизнь императорского дома стала предметом самого пристального внимания. Частный взгляд проник в святая святых – дворец императора в Токио с удивительно аскетичным убранством и непритязательным бытом монаршей семьи. Император не стеснялся появляться на людях в европейской одежде и с соответствующей прической, участвовать в светских мероприятиях, хотя, как говорили при дворе, императрица не жаловала европейские наряды. Но Муцухито был настойчив, и его привычки стали для людей своего рода поведенческой моделью.

Одежда, танцы, календарь – это цветочки. Настоящий переворот был связан с землей: у всех князей изъяли их владения. Были отменены сословия, включая самурайское, имев-

шее право на вооруженное насилие. Дальше – больше. Самое воинственное сословие страны, будучи и самым образованным, при новой власти пошло на госслужбу, составив сорок процентов от числа всех учителей.

Конечно, самурай терял привилегии, почетное право зарубить простолюдина, но одновременно становился хозяином своей судьбы, избавляясь от сурового повседневного подчинения вышестоящему начальству. В то время в Японии феодальная иерархия была намного жестче и бесчеловечнее, чем в Европе, поэтому многие сочли такой обмен выгодным. Несмотря на отдельные восстания и акты индивидуального террора, государство Мэйдзи сумело внедрить этих непокорных воинов в новую жизнь.

Реформаторы продвигали самураев в бюрократию, в ответ самураи интегрировали в государство свои ценности. Самурайская идеология, замешанная на ксенофобии, национализме, высокомерном презрении к любому, кто показался слабее, постепенно становилась официальной.

Одним из самурайских вирусов, инфицирующих японское общество, была религиозная синтоистская клятва богине Аматаэрасу «распространить императорскую власть на весь мир так, чтобы собрать восемь углов под одной крышей» – «хакко ити у». Это заклинание, часто переводимое как «весь мир – одна семья» или «весь мир под одной крышей», рассматривалось в качестве божественного императива. Проповедники воинственного тэнноизма доказывали, что только японцы, осененные добродетелями «японского духа» благодаря «расовой чистоте и единству» способны «распространить свет своей культуры на все человечество», ибо «нихон-коку-но тэммэй» – небесное предназначение японского государства – состоит в создании единой новой культуры для всего человечества.

Именно пропаганда «божественной» миссии «хакко ити у» в глазах простых японцев легитимировала любые экспансионистские акции на континенте. Главной силой, призванной выполнить клятву Аматаэрасу, считалась японская императорская армия, или, по тэнноистской терминологии, «священное воинство, посланное небом принести жизнь всему существу». Японские воины, от высших офицеров до простых солдат, выполняя свой воинский долг, становились «единными по духу с божественным императором» и приобщались к сонму синтоистских kami.

Документом, подтверждающим столь высокое предназначение армии и флота, стал рескрипт «Гундзин тёкую», изданный императором Муцухито в 1882 году, обращенный к солдатам и матросам. Задуманный как официальный моральный кодекс для всех военнослужащих, он трактовал главные добродетели, которые должны быть присущи японскому воинству в традициях бусидо. От бусидо его отличали два момента: во-первых, военная служба определялась в категориях абсолютной лояльности по отношению к императору, во-вторых, «милитаристские добродетели» подавались в виде сакрализованной доктрины, исходящей от высшего религиозного авторитета. Поэтому провозглашенные в рескрипте моральные принципы преподносились как священные обязанности.

Для того чтобы усилить близкие узы между армией и императором, Муцухито вручил этот рескрипт военному министру лично во время специальной церемонии во дворце. Подчеркивая важность этих связей, император со времен Японо-китайской войны не снимал военную форму и всячески демонстрировал свою жесткость, хотя на фоне суровых соратников выглядел образцом либерализма, легко амнистировал противников, как живых, так и исторических.

Оцените: император пришел к власти, свергнув военных правителей, сёгунов из рода Токугава. Но после победы он посещает фамильное святилище Токугава. И один из представителей свергнутой династии тут же включается в учебник этики для начальной школы как образец «делать жизнь с кого». Почему? Потому что глава государства «призван обеспечить не только территориальное единство, но и связь времен».

Понимая, что на одних штыках не усидеть, император Муцухито немало времени уделял сплочению гражданского общества. В результате была провозглашена Конституция великой Японской империи – Дай-Ниппон Тэйкоку Кэмпо, вошедшая в историю как Конституция Мэйдзи, обнародованная с большой помпой 11 февраля 1889 года.

Кропотливая интеграция японского общества вкупе с концентрацией в одних руках всех ресурсов государства дали невероятный рост всех показателей, по которым можно судить о развитии страны. Даже средний рост подданных увеличился на сантиметр. Страна, которую европейцы презирали как варварскую (император Николай II называл ее жителей макаками), стала вровень с мировыми державами.

Непривычная публичность императора Муцухито как паровоз тащила за собой гласность всей остальной политики, ранее наглухо закрытой от простых людей. Количество газет за тридцать лет увеличилось почти в тридцать раз, а журналисты постепенно стали завсегдатями более-менее значимых мероприятий. Японская элита привыкала жить в стеклянном дворце, где каждый шаг или неосторожное слово становились поводом для широкого обсуждения и могли привести к самым неожиданным последствиям.

Но сегодня, 15 апреля 1902 года, никаких газетчиков в Западной приемной императорского замка тодзай-но-тамари не ожидалось. Начало военных действий на континенте против одной из самых крупных европейских держав решено было не предавать огласке до первых победных реляций.

До приема у императора оставалось не более часа. Предшествующая ему суэта уже была завершена. Человеку, скромно расположившемуся в уголке аскетичного зала, никто не мешал работать, то есть думать. Именно это занятие было его основной обязанностью во время всей пожизненной государственной службы. Не избавлен он был от этой ноши и сейчас, несмотря на весьма почтенный возраст.

Маркиз Ито Хиробуми в японском ареопаге занимал почетное место гэнро – личного советника императора. В далеком 1867 году он был произведен в ранг гоятои и официально стал самураем, а уже через год, в ранге санъё, будучи советником правительства, присутствовал на переговорах Муцухито с иностранцами и писал проект Конституции Японии. К началу XX века Хиробуми собрал все мыслимые награды, побывал на всех высочайших государственных постах. Забрался, образно выражаясь, на самую вершину Фудзи и даже обрел покой, все чаще замечая, что молодое поколение относится к нему как к памятнику – уважительно, но отстраненно. И если бы не эта поездка в Россию...

Во время первой, неофициальной аудиенции, назначенной в ослепительно солнечный осенний день в октябре 1901 года, маркиза поразили глаза русского царя. Он прекрасно понимал, что нарушает этикет, откровенно разглядывая его величество, но не мог ничего с собой поделать. Эти глаза жили отдельно от всего остального облика и никак не могли принадлежать молодому тридцатилетнему мужчине.

Впрочем, не только глаза. Слова императора России тоже принадлежали не мальчику, но мужу... Слушая его, Ито явственно представил себе медведя – казалось бы, неповоротливого и ленивого, сонного и неуклюжего, а на самом деле стремительного, ловкого и беспощадного хищника.

– Проезжая по Транссибирской магистрали, ваше величество, я был поражен объемами строительных работ, которые мне удалось видеть из окна поезда, – наклонился в ритуально низком поклоне Ито. – Позвольте выразить вам свое восхищение...

– Благодарю, маркиз. – Губы русского монарха тронула чуть заметная улыбка. – Будем считать, что я просто прислушался к словам одного мудрого человека, сказанным тридцать лет назад: «Политические системы, обычаи, образование, медицина, оборонное производство Запада превосходят восточные. Поэтому наш долг – перенести на восточную почву западную

цивилизацию, стремиться к прогрессу, чтобы наш народ быстро стал вровень с этими территориями, день и ночь стараться и учиться».

Меньше всего Ито Хиробуми предполагал услышать из уст императора России свои же слова, написанные в докладе микадо после первой поездки по Европе и США в 1871 году. Вот тогда он первый раз кинул внимательный взгляд на лицо российского монарха и обомлел: на него смотрели глаза глубокого старика – уставшего, умудренного и искушенного. Взгляд императора настолько контрастировал с его внешним видом, что Ито даже потупил взор, чтобы отогнать наваждение, а когда снова глянул, монарх неторопливо колдовал над пузатым заварочным чайником.

– Японская чайная церемония, – император сопровождал свои действия размеренной беседой, – это спокойное наслаждение мелочами, удовольствие от внимания к деталям и тихое очарование внутреннего мира. Своего собственного, мира чайного сада, чайной комнаты, утвари – в общем, мира, окружающего участников церемонии, будь то луна или утренний снег. И главная цель японской чайной церемонии – помочь раскрыться внутреннему миру.

Монарх закончил разливать чай, повернулся к Ито, снова обжег его своим не по возрасту матерым взглядом пожилого хищника, жестом пригласил присаживаться.

– А в русском чаепитии, – продолжил он, явно наслаждаясь процессом, – важна компания. «Заходи в гости, попьем чаю» означает прежде всего приглашение к разговору. Причем получить удовольствие от изысканной беседы в чистом виде, в абстрактной компании, состоящей из воспитанных людей, которые кушают опрятно и говорят правильно, во время русского чаепития просто невозможно. Но вот если за чаем собрались друзья, настоящие или будущие, – на этом слове император сделал чуть заметный акцент, – то совершенно неважно, о чем они будут говорить или молчать, какой чай они будут пить и какими плюшками станут его заедать, сколь изысканны будут манеры и насколько изящны шутки... Тогда в какой-то момент чаепития его участники замечают на лицах друг друга довольную улыбку, а чему они радуются, толком и не понять...

Вот эти искренние, от души, улыбки, создающие ощущение уюта и комфорта, и есть цель истинно русского чаепития – неосознанная радость от того, что за столом сидят хорошие люди, что разговор течет мирно, степенно, и есть возможность вырваться на часок-другой из суеты, забыть обо всех делах и просто выпить чаю. Вот что является самой важной частью русского чаепития... Ну а теперь пришла пора поговорить о вещах гораздо более осязаемых...

Ито Хиробуми, убаюканный размеренной, как тихий стук метронома, речью императора, откровенно «проспал» последнюю фразу, поэтому следующие слова застали его врасплох.

– Из всех японских сановников только вы и Иноуэ Каору выступаете против союза с Англией и полагаете, что союз с Россией был бы выгоднее, – продолжал император ровно и спокойно, но взгляд его стал настолько пронзительным, что маркиз почувствовал себя так, будто в глаза ему сыпанули песком. – Вы пытаетесь убедить императора Муцухито в том, что если предпринять дипломатические усилия и Россия признает право Японии на оккупацию Кореи взамен на Маньчжурию, никакая война будет не нужна... Так вот, смею вас заверить: вы ошибаетесь.

Ито Хиробуми аккуратно поставил чашечку с чаем на блюде, стараясь не выдать внезапную дрожь в руках и, плюнув на весь этикет, с силой потер глаза и виски. Кровь ошутимо пульсировала в них, и в голове начинало шуметь, мешая сосредоточиться. Такая информированность русского царя в тонкостях взаимоотношений японских придворных, оглушала и заставляла подозревать наличие осведомителя среди самого приближенного круга государственных чиновников.

– Да, ваше императорское величество, – ответил Ито после минутной паузы, – министр Витте ранее уведомил меня, что «полный отказ от Кореи станет слишком высокой ценой за соглашение с Японией»²⁷.

– Вы не поняли, – покачал головой император, – я готов немедленно подписать меморандум о признании Кореи территорией жизненно важных интересов Японии. Мало того, господин Безобразов, безобразничавший в тех краях, уже отозван, разжалован и заключен под стражу. Официально его будут судить за казнокрадство, но я напишу императору Муцухито, что на самом деле причина его опалы и наказания – это попытка поссорить наши страны...

Император тоже поставил свою чашечку с чаем, взял из стеклянной вазочки румяную баранку и с треском расколол ее в ладонях. На блюде выпали четыре неравных кусочка...

– Но это ничего не изменит. Вам, старой гвардии, придется подчиниться напору молодого и агрессивного большинства. Таким, как премьер Кацура Таро и министр иностранных дел Комура Дзютаро, хочется повоевать еще раз. Успешная война с Китаем окрылила их. Они прекрасно понимают, что гордая Англия, никогда и ни с кем не заключавшая союзы, вдруг пошла на договор с принятием на себя столь серьезных обязательств из сугубо земных соображений.

Англия опасалась, что Россия продолжит свое «сползание» к югу, и тогда британские интересы в Китае и Индии могут оказаться под угрозой. На пути России выставляется японский щит. Значительная часть японской политической элиты соглашается стать таким щитом и надеется в обмен получить от Англии поддержку для экспансии не только в Корею, но и на территорию самой России. К тому же Япония уже получила такие внешние займы, отдать которые можно, только ограбив кого-нибудь. А глядя на землю с высоты птичьего полета, – монарх коротко махнул рукой на противоположную стену, украшенную картой мира, – понятно, что кроме России, другого кандидата на ограбление для Японии просто не существует.

– Простите, ваше императорское величество, – попытался перехватить инициативу Ито, – но откуда вам известно про какие-либо обязательства Британии, если договор еще не подписан, а текст его не известен даже мне?

– Да? – явно притворно удивился император, а в глазах его, впервые с начала беседы, заиграли бесенята. – Тогда предлагаю исправить эту досадную оплошность и ознакомиться с полным текстом немедленно.

Когда перед Ито Хиробуми появилась кожаная папка с договором Британии и Японии, маркиз понял, что конкретно этот раунд переговоров он уже проиграл. Те высоты, за которые он был намерен воевать на переговорах, были отданы царем без всякого боя, но за ними оказался целый частокोल вопросов, и ответы на них находились у русского монарха. Оставалось только послушно идти по коридору возможностей, указанному императором России, сиюсь разгадать его игру, конечные цели и роль, отводимую наследником легендарной Византии маркизу Ито и всей Японии.

– Вы считаете, что война между нашими странами неизбежна?

– С тех пор как Япония заключила кредитные соглашения с участием лондонского Сити – да.

– Но вы можете проиграть. Я понял бы ваш оптимизм, если бы речь шла только о Японии, но Британия и Америка, которые горячо нас поддерживают, – это сильнейший флот и мощнейшая экономика...

– Хорошее лекарство всегда горькое, – блеснул император знанием японского фольклора, – а иногда проиграть – значит победить!

– Вы говорите об этом так спокойно...

²⁷ Исторический факт. Именно так ответил Витте маркизу Ито на предложение разделить сферы влияния и тем самым предотвратить Русско-японскую войну.

– Один немецкий богослов, Фридрих Этингер, в XVIII веке написал: «Господи, дай мне силы изменить то, что смогу, спокойствие принять неизбежное, и мудрость, чтобы отличить одно от другого». Я с ним полностью согласен...

Маркиз Ито опять внимательно посмотрел в глаза русского монарха и сразу отвел свой взгляд. «Нет, в глаза этому хищнику лучше не смотреть. Лучше в пол или в чашечку с чаем, где крутятся в вихре танца проскользнувшие мимо серебряной сеточки чайники...»

– Предполагаю, – осторожно произнес Ито, – что вы хотите использовать внешний конфликт в качестве рычага для решения каких-то собственных, внутренних проблем... Но что в таком случае вам нужно от меня, ваше императорское величество?

– Ничего более того, что вы уже делаете, маркиз, – по-сыновьи заботливо, мягким успокаивающим тоном произнес император. – Вы уже публично высказали свою точку зрения о войне с Россией. Повторите ее по возвращении в Токио, а я постараюсь создать для этого наиболее благоприятный фон. Кроме подписания меморандума о Корее и Маньчжурии, а также пояснения причины репрессий против Безобразова, я объявлю о сокращении нашего воинского контингента на Дальнем Востоке...

– Но это только подстегнет нашу партию войны и создаст у нее иллюзию быстрой бескровной победы, – заметил Ито.

– Я знаю, – коротко ответил император. – Но повторяю: ни вы, ни я не сможем изменить то, что будет. Зато в нашей власти повлиять на то, *как* будет... Так вот, маркиз, я просил бы вас, если у партии войны что-то пойдет не по плану, напомнить императору Муцухито о моем миролюбии и готовности всегда вернуться к мирному разговору за чашечкой чая... В качестве особого условия можете сообщить о моем настойчивом желании видеть в качестве посланника именно вас...

Все шесть месяцев после этой встречи Ито Хиробуми регулярно получал подтверждения слов, услышанных поздней осенью от русского монарха. Текст, предложенный ему в Лондоне, был полностью идентичен прочитанному во время царского чаепития. Партию войны ни в чем не убедил меморандум о признании Кореи зоной интересов Японии, а наоборот, даже раззадорил. Сокращение русской армии было воспринято как удачное стечение обстоятельств, а последние данные разведки о невероятных ценностях, складываемых недалеко от границы в Забайкалье, переполнили чашу бурно кипящего милитаризма.

Нежно прижатый к стенке новый император Китая Юань Шикай быстро подписал все необходимые воззвания к международным «силам добра». Как следствие, у японцев и англичан оказались развязаны руки. Остановить военную машину было уже некому и нечем. И вот сегодня первый доклад о военных успехах в противостоянии с русскими...

Погруженный в свои мысли, Ито Хиробуми не заметил, как зал заполнили синие мундиры, и чуть не прозевал выход самого императора Муцухито. Монарх, как все последние десять лет, был в военной форме. Строг. Сосредоточен. Внимателен. Сегодня он будет только слушать, бросая реплики в крайнем случае, являя свою божественную волю.

А сейчас говорят его министры.

– Наши легкие силы, подобно божественному ветру камикадзе, обрушились на северных варваров и пресекли саму мысль напасть на священную землю Ямато, – коротко поклонился министр флота Ямамото Гомбэй. – Были взорваны и более не существуют два вражеских броненосца, а третий поврежден и, по сообщениям офицеров флота и разведки, не может давать более восьми узлов, что вынудило адмирала Иессена отойти под прикрытие береговых батарей.

Присутствующие не шевельнули ни единым мускулом на сосредоточенных лицах. Даже те, кто сомневался в том, что малый ход «Севастополя» был вызван именно попаданием торпеды, а не плохим качеством изготовления машин броненосца. Свара перед лицом императора

допустима, если она проводится стремительно и не оставляет противнику шанса на парирование удара, подобно высверку меча в иай-дзюцу. Сейчас явно не тот случай.

– В настоящее время эскадра Макарова с его кораблями второго класса не сможет угрожать священным берегам Японии, даже соединившись с эскадрой Иессена. Более того, отряд воинов тэнно, – тут адмирал коротко поклонился, – высадился на вражеский берег на острове близ Владивостока и привел к молчанию русские береговые батареи.

То, что всего через двадцать минут после атаки экипажей миноносцев, вылетевших на камни, бронированные башни возобновили огонь и даже добились пары попаданий по японским кораблям, тоже осталось за кадром и не было прокомментировано.

– Еще одна батарея, – продолжил Ямамото, – разбита крейсерами Четвертого боевого отряда. Таким образом, в настоящий момент оборона Владивостока значительно ослаблена, и в ближайшее время может быть проведена высадка в заливе Данвиру²⁸.

– Хватит ли у флота сил, Ямамото-сан? – с разрешения императора очень вежливо поинтересовался маркиз Ито Хиробуми, почитаемый многими как излишне осторожный, хотя и проницательный муж, последовательно выступавший против недружественных акций в отношении северных гайдзинов.

– Хотя корабли «Фудзи» и «Токива» более не могут участвовать в усмирении русских, наших семи броненосцев будет достаточно...

– Семи? – поднял бровь Ито.

– Экипажи «Микасы», «Ясимы», «Хатсусе», «Танго»²⁹ и двух броненосцев второго класса «Якумо» и «Ивате» нуждаются в отдыхе и пополнении, – пояснил адмирал, – а сами корабли – в исправлении незначительных повреждений.

Маркиз Ито поднял вторую бровь. Император прекрасно знал этот жест и мог догадаться: «незначительные повреждения» означали, что доки Сасебо и Нагасаки переполнены искалеченными кораблями. Слава Аматаэрасу, потери в экипажах, пусть и тяжелые, были не стопроцентными, как в случае с «Фудзи» и «Токивой». Опытные моряки были намного важнее кораблей...

– Если мне не изменяет память, вполне боеспособными можно считать десять броненосцев из восемнадцати?

– Броненосцы второго класса «Идзумо», «Асама» и «Адзума» направлены в пролив Цугару для несения боевого дозора, тогда как «Сикисима», «Асахи» и пять броненосцев типа «Канопус» будут обеспечивать высадку далеко за пределами русских береговых батарей. Они же смогут перехватить эскадру Макарова, когда она пойдет на помощь Владивостоку и будет обнаружена дозорным отрядом.

Ито мысленно поставил еще одну зарубку. Беспокойство о якобы «приведенных к молчанию» батареях было явной ошибкой.

– Но достаточно ли будет этих сил? – усомнился он. – В конце концов, у господина Макарова пять броненосцев...

– Согласно полученным от наших союзников сведениям, три из пяти броненосцев Макарова лишились половины и без того слабой средней артиллерии. Количество их шестидюймовок в бортовом залпе вдвое, а то и того меньше, чем у наших броненосцев второго класса. А их новые, но крайне неудачные германские орудия уступают нашим восьмидюймовкам, – пояснил Ямамото. – Некоторую опасность представляет только вооруженный двенадцатидюймовками «Ретвизан», но, по сообщениям разведки, его скорострельность с использованием новых снарядов удручающе низка. Адмирал Камимура имеет приказ обнаружить корабли Макарова и дать возможность броненосцам Того перехватить их.

²⁸ Залив Д'Анвиль в западной традиции того времени, в русской – залив Посыета.

²⁹ Предоставленный англичанами ЭБР «Вендженс» типа «Канопус».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.